W 524
1100

W 524/1100

№201 брош.

Государственный ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

56130-48

ПУБЛИЧНЫЙ ДИСПУТЪ 19 МАРТА 1860 ГОДА

О НАЧАЛѢ РУСИ

МЕЖДУ ГГ. ПОГОДИНЫМЪ И. КОСТОМАРОВЫМЪ.

I.

ПИСЬМО Г. ПОГОДИНА КЪ Г. КОСТОМАРОВУ, ЧИТАННОЕ Г. ПОГОДИНЫМЪ НА ПУБЛИЧНОМЪ ДИСПУТѢ.

Не думалъ я, чтобъ мнѣ пришлось начинать докучную сказку о норманнахъ, которымъ въ концѣ втораго тома «Изслѣдованій о Русской Исторіи», въ 1848 году, пропѣлъ я: quiescant in pace; но вашей статьи нельзя оставить безъ отвѣта. Пушкинъ сказалъ:

За новизной бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ.

Чего добраго — толпа закричитъ подъ пѣсню литовской Свистопляски, вслѣдъ за ученой редакціей «Современника»: мы изъ Жмуди, мы изъ Жмуди! Вотъ мы откуда, вотъ мы каковы! Мы изъ Жмуди!

1
3654 0

Rusnês kémelij,
Aug man żedelis
Ten rimst mano szirdele.

(О Русь, село, тамъ растетъ цвѣточикъ, туда мое сердце стремится.)

Разложимъ статью г. Костомарова на составныя ея части. Начнемъ съ его мнѣнія.

На чемъ вы основываете новое или старое мнѣніе о происхожденіи Руси? Я говорю — старое, потому что еще Карамзинъ изложилъ и объяснилъ его, съ свойственною ему одному ясностію: въ Степенной книгѣ XVI вѣка и въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано, что Рюрикъ съ братьями своими вышелъ изъ Пруссіи, гдѣ издавна назывались Курскій Заливъ Русною, сѣверный рукавъ Нѣмана или Мемеля Руссою, окрестности же ихъ Порусьемъ, и проч. Т. I, стр. 50.

Вы основываете свое мнѣніе на одномъ географическомъ имени:

«Слѣдуя за разсказомъ нашей лѣтописи въ точности, прійдется остановиться на словѣ Русь, и поискать на балтійскомъ побережьѣ такого народа. Отыскать его не мудрено. Русь дѣйствительно находилась на балтійскомъ поморьи въ низовьѣ рѣки Нѣмана, которое называется по-литовски Русь. На множествѣ картъ XVI, XVII и XVIII вѣка, можно найти эти названія. Такъ въ большомъ атласѣ Янсона, истокъ Нѣмана названъ Русь, а изъ тридцати устьевъ его третье носитъ названіе Alt Russe, а шестое Russe Sive Holm. Вообще Нѣманъ, по раздѣленіи своемъ на два рукава, перестаетъ называться Нѣманомъ: лѣвый называется Гильге, а правый Русь. Существовалъ городъ при устьѣ Руси, также съ этимъ именемъ. Встарину, сторона около праваго рукава и въ особенности на правомъ его берегу называлась Русью, и народъ руссами, или руссіенами» (стр. 9).

Но неужели вы позабыли, что было время, и очень недавно, когда, основываясь на *такомъ же географическомъ имени*, Качановскій, вслѣдъ за Эверсомъ и Нейманомъ, находилъ Русь на Черномъ морѣ, и его слушатели кричали во весь голосъ, писали диссертаціи и доказывали, что Русь пришла съ Чернаго моря? Долгое время ходило въ оборотѣ выраженіе Черноморская Русь; даже недавно какой-то изслѣдователь, какъ будто желая уколоть меня, намекнулъ: «да вѣдь не совсѣмъ еще вѣрно, что Русь пришла съ Балтійскаго моря,—нѣтъ, есть мнѣніе, приводящее ее съ Чернаго!» Позволяю себѣ отступленіе: всѣ эти господа, точно такъ, какъ теперь «Современникъ», думаютъ уличить меня въ уголовномъ преступленіи, нанести

личное оскорбленіе, приводя Русь откуда нибудь, лишь бы вопреки моему мнѣнію. Да помилуйте, господа, я не получалъ наслѣдства не только отъ Рюрика, который передалъ все свое вмѣстѣ съ сыномъ Олегу, но даже и отъ Синеуса и Трувора, которые умерли бездѣтными; право для меня все равно, откуда бы ни доказалось происхожденіе Руси, лишь бы повѣрнѣе. Я считаю Русь норманнами, а вы приводите ее изъ Жмуди. Съ Богомъ, счастливый путь имъ и вамъ; да я-то чѣмъ виноватъ, что искалъ или думалъ найдти ее въ другомъ мѣстѣ? «Мы изъ Жмуди, мы изъ Жмуди! Что взялъ, что взялъ?!» Ничего, ничего, я васъ только поздравляю, и готовъ, читая вашу рецензію, согласиться даже на происхожденіе отъ эскимосовъ, готентотовъ, — согласиться съ вами, но не съ г. Костомаровымъ, къ которому теперь возвращаюсь.

Вы говорите, или повторяете, что рукавъ Нѣмана назывался Русскимъ, а Эверсъ, Каченовскій, Скромненко — говорили, что Черное море называлось Русскимъ. «Вѣроятно», думаетъ Эверсъ, «славяне дали ему сіе названіе потому, что по берегамъ онаго жили руссы, а гораздо естественнѣе искать Русь при Русскомъ морѣ, чѣмъ при Балтійскомъ.» По свидѣтельству Степенной книги, «роди, нарицаеміи руси.... живяху при Ексинопонтѣ» и проч. Эдризи называетъ Волгу Русскою рѣкою. Димешки упоминаетъ о рѣкѣ славянъ и руссовъ, между Волгою, Куромъ и Еррассомъ. О народѣ Расъ говорится въ коранѣ, и проч.

Прочтите, сколько всякой всячины, начиная отъ Іезекіилева Роса, прибираютъ Нейманъ, Фатеръ, Надеждинъ, чтобъ доказать пребываніе Руси на югѣ!

Другіе, основываясь на подобныхъ сказаніяхъ, ведутъ Русь совсѣмъ съ другихъ сторонъ: изъ *Швеціи* — гдѣ одна приморская гавань издавна называлась русскою, Roslagen.

Татищевъ и Болтинъ — изъ *Финляндіи*, гдѣ, при Абовѣ, въ самомъ почти городѣ зовется Русская гора, гдѣ сказываютъ издавна жили руси.

По мнѣнію Венелина, Несторъ, дошедши до Вислы, такъ и машетъ рукою на *Померанію*.

Бутковъ находитъ Русь въ Rusaland, (часть Вестерботніи и Остерботніи). Въ предѣлахъ Рюссоланда онъ указываетъ даже на заливъ варяговъ, Варягъ-fiord и проч.

Крузе видитъ Русь въ *Росенгау, около Эйдера*, и собираетъ нѣсколько подобно-звучныхъ именъ изъ окрестностей Rusdorf, Riesborg, Rossenfeld и проч,

Гольманъ ищетъ Русь между *Рустрингами* (племя, владѣвшее приморскою страною *отъ Эйдера до Мааса и Шельды)*.

Максимовичъ, и потомъ Счастный, поселяютъ ихъ на островѣ *Рюгенъ*.

Морошкинъ — въ верховьяхъ Одера, въ Гориціи, *близъ Франкфурта*.

Каченовскій и Скромненко (Сергѣй Строевъ) приводятъ Русь *изъ Азіи*, Эверсъ — изъ Козаріи, — всѣ на основаніи собственныхъ именъ.

Неужели вы не согласитесь, что основанія Эверса, Неймана, Надеждина, Фатера, Буткова, Крузе, Гольмана e tutti quanti *равносильны*, то есть одинаково безсильны съ вашими, передъ судомъ критики, состоя изъ однихъ географическихъ созвучій или недоразумѣній, что всѣ они уничтожаются одно другимъ.

Они даже берутъ преимущество передъ вашею Жмудью, потому что ихъ можно хоть какъ нибудь связать, стянуть съ нашими варягами-русью, а ваша Жмудь остается особнякомъ.

Я представлю вамъ еще Пургасову Русь въ нѣдрахъ Заволжскихъ степей, и еще сотню русей изъ какой угодно Европейской страны; напримѣръ, Русславонъ въ южной Франціи, графство Россъ въ Шотландіи, городъ Россъ въ Англіи, Росс-ауландъ, Россиморъ съ пристанью и рѣка Россъ въ Ирландіи, Иль-руссъ на островѣ Корсикѣ, заливъ Росъ въ Испаніи, слобода Руссо въ Италіи и проч. и проч.

Морошкинъ на имени Русь, которому вы придаете силу, основалъ вотъ что:

«Что касается до меня, то, признавая и *варяговъ*, и *руссовъ* за *славянъ*, я утверждаю, что кромѣ:

1) Руссовъ кіевскихъ, еще были славянскіе же:

2) Руссы германскіе прибалтійскіе,

3) Руссы германскіе при Нѣмецкомъ морѣ,

4) Руссы моравскіе и богемскіе,

5) Руссы сербскіе,

6) Руссы болгарскіе на Дунаѣ,

7) Руссы на Адріатическомъ морѣ,

8) Руссы базельскіе въ землѣ Ровраковъ, или въ верховьѣ рѣки Дуная,

9) Руссы хвалынскіе, на Каспійскомъ морѣ (с. 19)».

Этого мало — всѣ почти народы древности были по его мнѣнію руссы же:

«Скиѳы: будины, гелоны и агатирсы Геродота, роксоланы и аорсы Страбона, Плинія и Птоломея, агазиры, хизары и анты, суть предки нынѣшнихъ россіянъ, и самыя имена сихъ народовъ значатъ то же, что руссы, то есть *жители лѣсовъ, Славы, съ лѣсомъ ровные* (322).

«Я пройду», говоритъ онъ, «отъ Рагузы черезъ Панноніо, Чехію, Вагрію, балтійскую Поморію, Ляхію, кіевскую Полянію до Чернаго и Каспійскаго морей, и надѣюсь доказать, что все это великое пространство, съ нѣкоторыми промежутками, у древнихъ географовъ Греціи и Рима и на языкѣ варварскихъ народовъ называлось Россія, то есть великая земля лѣсовъ, роща (Roscia), руща (Rutzia), лѣсная или древлянская земля» (323).

Но довольно: ясно ли, что первое ваше доказательство основанное на имени, не имѣетъ ровно никакой силы?

А дюжина вашихъ подтвержденій значитъ еще менѣе, ибо къ каждой изъ вышепоименованныхъ мною Русей: Рослагену, Рустригіи, Рисаланду, Рюгену, можно прибрать точно также по дюжинѣ, по двѣ, по три, ad libitum!

Они всѣ доказываютъ только, что имя, похожее на Русь, принадлежало указанной вами мѣстности; но гдѣ же доказательство, гдѣ свидѣтельство, что оттуда пришла наша Русь? Его нѣтъ. Ваше утвержденіе совершенно произвольно, какъ произвольны Рослагенъ, Рисаландъ, Рюгенъ.

Обращаюсь ко второму вашему доказательству:

«Для повѣрки этого вывода» (что Русь есть Жмудь), говорите вы, «у насъ есть имена князей, пословъ Олега и Игоря и нѣкоторыя другія слова, заимствованныя изъ языка того народа, который прибылъ къ намъ съ князьями. Какъ ни испорчены изъ нихъ многія (а порча ихъ доказывается неодинаковостью способа написанія въ различныхъ лѣтописныхъ спискахъ), но въ большей части, литовское происхожденіе явно, безъ всякихъ натяжекъ высказывается само собою» (с. 15).

Помилуйте — вы ли это говорите? Вы ли доказываете, что въ Игорѣ корень литовскій ig значитъ далеко, глаголъ igiu, igit; значитъ стремиться, что корень Олега заключается, можетъ быть, или въ словѣ ilgis, длинный, или въ словѣ alga, награда, что Синеусъ = senejus, старина, старость?

Помилуйте — на такихъ правилахъ словопроизводства почему же Игоря не производить отъ игры, игоръ, или горя, горы, почему Олега не соединить съ Олуемъ или пожалуй елеемъ, а Синеусъ безъ спора уже есть тогда синій усъ!

Чѣмъ ваши такъ называемые корни лучше и благонадежнѣе моихъ?

Варяги — ну, это воряги, воры, а Кругъ производилъ ихъ отъ варяю, предупреждаю: что толку въ этихъ созвучіяхъ?

Новое словопроизводство даже по кореннымъ звукамъ представляетъ много опасностей, и всякій степенный изслѣдователь долженъ употреблять его съ осторожностію.

Словопроизводство на такихъ основаніяхъ осмѣяно уже сто лѣтъ тому назадъ здравою критикою со Шлецеромъ во главѣ.

Вы выбираете изъ русскихъ = норманскихъ именъ Днѣпровскихъ пороговъ два менѣе ясныя или испорченныя, для объясненія изъ литовскаго языка: зачѣмъ же вы пропускаете Геландри = gaillndi = звонецъ, Варуфоросъ = barufors, волнистый прагъ, Ульворси = holmfors, порогъ острова, совершенно соотвѣтственно славянскимъ названіямъ Константина Багрянороднаго.

Точно какъ вы русскія названія производите изъ литовскаго языка, точно такъ Болтинъ производитъ ихъ изъ венгерскаго. Ульворси: ulo-vas, наковальня; ulo сѣдящій, veres утѣсненный и проч. Варуфоросъ: var ущелье, узкій проходъ; varas чаяніе, надѣяніе; forgos крутящійся. Геландри: helo мѣсто, урочище; draga пріятный, любезный.

Названіе Леанти очень близко, говоритъ онъ, къ слову leany, значащему дочь и дѣвушку.

Дуричъ производилъ и русскія названія изъ славянскаго, кромѣ собственно славянскихъ названій!! (см. Эверса, въ моемъ переводѣ, 1826 г. с. 141, и проч.

Имена боговъ Перкуна, Корша, Мокоша, (литовское слово mokius, знаніе, ученіе!!) Симарглы, приводимыя г. Костомаровымъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, представляютъ тѣ же созвучія, нисколько не подтверждающія «выводъ, что упоминаемые въ нашихъ лѣтописяхъ варяги-русь пришли изъ литовской Руси» (с. 17).

«Но варяги-русь», продолжаете вы (ib), «предетавляются мореходнымъ народомъ. Слѣдуетъ разсмотрѣть, были ли знакомы съ мореплаваніемъ приморскіе народы литовскаго племени въ то время», и собираете доказательства въ пользу этого положенія, представленнаго еще Ломоносовымъ: но эти доказательства (весьма впрочемъ мелкія и слабыя) опять-таки ничего не доказываютъ, потому что всѣ жители береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей были знакомы съ мореплаваніемъ — и литовцы, и финны, и славяне, и нѣмцы, и кольми паче скандинавы.

Вы ссылаетесь на свидѣтельства XVI вѣка (въ Степенной книгѣ и хронографахъ), въ коихъ «говорится единогласно, что князья пришли изъ Прусской страны». Имѣю честь напомнить вамъ противъ этого единогласія, что во многихъ спискахъ лѣтописей этого времени, князья приводятся ясно изъ нѣмцевъ!

«Такъ какъ въ одно и тоже время, свергли съ себя одно иго скандинавовъ — и литовскіе народы, и славянскіе, и финскіе, то отсюда уясняется самый поводъ призванія славянами и чудскими народами себѣ князей отъ приморскихъ литовцевъ. Ихъ соединила взаимная вражда къ скандинавамъ» (с. 19).

Это не доказательство, а поясненіе событія, *еслибъ* оно было доказано.

Вотъ и всѣ ваши доказательства; я не могъ найдти ничего у васъ болѣе: я разобралъ ихъ порознь, — предлагаю мнѣніе объ ихъ совокупности.

Географическихъ созвучій съ Русью разсыпано не только по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, но и по всей Европѣ множество. Чтобъ доказать происхожденіе нашей Руси откуда бы то ни было, надо представить *ея связь, связь историческую*, по документамъ, съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ предполагается ея родина. А этой связи представить вы не можете и не представляете, точно какъ не представляютъ ее приводящіе Русь изъ Рослагена, Ріустри, Рюгена и проч.

Князья были призваны, и съ страною ихъ уничтожилось всякое сношеніе: съ чѣмъ это сообразно? А у насъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминовенія ни о Рюгенѣ, ни о вагирахъ-славянахъ, никакого слѣда сношеній, знакомства. Точно такъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминовенія о насъ въ памятникахъ рюгенцевъ, вагировъ, хотя они въ то время получили уже лѣтописателей, напримѣръ, Гельмольда. Это я говорилъ Максимовичу, Каченовскому и проч., и точно тоже можно сказать вамъ о вашей Жмуди или Литвѣ съ Петромъ Дунсбургскимъ, на котораго вы опираетесь столько!

«Положимъ съ Каченовскимъ и Скромненкомъ, что варяги были вагиры, положимъ съ Венелинымъ, что они были померанцы, положимъ съ Морошкинымъ, что они были славяне франкфуртскіе, положимъ съ Максимовичемъ, что Русь были рюгенцы», — положимъ теперь съ г. Костомаровымъ, что Русь была Жмудь: «подъ какимъ же именемъ приходили къ намъ и чрезъ нашу землю норманны? Подумали ль всѣ эти толковники, что для норманновъ не останется уже никакого имени?

«Или норманны не были у насъ?

Госуд. ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

«То есть, норманны ѣздили и селились въ Голландіи, Франціи, Ирландіи, Испаніи, Сициліи, на островахъ Оркадскихъ, Ферерскихъ, на отдаленной и холодной Исландіи, въ Америкѣ, — и не были у насъ, ближайшихъ своихъ сосѣдей!»

Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ призваны изъ Жмуди, и ни въ Литвѣ, ни у насъ не сохранилось ни малѣйшаго о томъ преданія, не встрѣчается въ лѣтописяхъ ни малѣйшаго намека о родствѣ. Изъ позднѣйшихъ даже писателей никому не приходило въ голову объ этомъ единствѣ, вплоть до новыхъ уже грамотѣевъ.

Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ пришли изъ Литвы со всѣмъ своимъ племенемъ, и вы не встрѣчаете ни малѣйшаго литовскаго вліянія на наши славянскія нарѣчія.

Сравните же теперь ваши доказательства, со всѣхъ сторонъ для пораженія открытыя, съ нашею норманскою крѣпостію.

Норманны являются въ связи съ основанными государствами въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ: къ Аскольду и Диру чрезъ два-три года послѣ прибытія Рюрика являются они и идутъ вмѣстѣ на Константинополь. Олегъ присоединяетъ ихъ къ прочимъ своимъ воямъ и заставляетъ трепетать имперію. Игорь посылаетъ за ними за-море и нападаетъ на грековъ. Другія ватаги отправляются по Волгѣ на Каспійское море. Володимеръ скрывается у нихъ и собирается съ силами. Ярославъ нанимаетъ ихъ для войны съ отцомъ и потомъ съ Святополкомъ. Послѣдніе помощники называются по именамъ: Якунъ, Рагнвальдъ, Эймундъ, Рагнаръ, вслѣдъ за Ингигердою, дочерью шведскаго короля Олава, и именами своими показываютъ происхожденіе первыхъ пришельцевъ при Рюрикѣ, при Олегѣ и при Игорѣ. Вотъ связь безпрерывная, живая норманновъ съ варягами-русью. Дѣйствуютъ наши варяги-русь тождественно съ норманнами въ Англіи, Франціи, Италіи, на морѣ Нѣмецкомъ, Средиземномъ, Черномъ: одни и тѣ же пріемы. Руссы служатъ одинаково въ греческомъ флотѣ: неужели это были жмудь? Языкъ свой оставили они во всѣхъ распоряженіяхъ, и распоряженія мы видимъ одинакія съ норманскими. Тіунъ, гридень, вира, вервь, скотъ, губа, ябедники, олекъ, запа и проч. и проч. Слѣдовательно, напрасно говоритъ г. Костомаровъ, что «мы ничего подобнаго не видимъ и слѣда» (с. 27).

Г. Костомаровъ, излагая свое мнѣніе, предлагаетъ вмѣстѣ и возраженія на мнѣніе о происхожденіи Руси отъ норманновъ. Разберемъ ихъ.

«Подъ варягами разумѣли, — говоритъ онъ: — не одинъ какой нибудь народъ, а неопредѣленную массу народовъ, жившихъ при

морѣ, которое у русскихъ получило названіе варяжскаго» (с. 7). Далѣе онъ говоритъ о «широкомъ значеніи слова: варягъ».

Обращу его вниманіе на слова Нестора: «Ляхове же и Пруси, Чюдь, присѣдятъ къ морю Варяжскому, по сему же морю сѣдять Варязи....»

Видите ли, что масса народовъ варяжскихъ не слишкомъ неопредѣленна, и значеніе имени варягъ не слишкомъ широко? Всѣ славянскія племена (ляхове), латышскія (пруси) и финскія (чюдь) изъ него исключаются. Кто же остается — норманскія племена, нѣмецкія.

Здѣсь и возраженіе на ваше мнѣніе: пруси не варяги, а Русь — варяги; слѣдовательно Русь не пруси, не литва, не жмудь.

Напрасно придаете вы особую силу слову: друзіи, и говорите: «что касается до попытки находить ихъ у скандинавовъ... мы должны прямо отвергнуть его, становясь на точку зрѣнія нашего лѣтописца, сказавшаго: друзіи (варяги) зовутся свее, друзіи же урмане, англяне, друзіи готи, — *друзіи*, а не тѣ, которыхъ славяне и финны призвали; тѣ же, которыхъ они призвали, назывались Русь». Это слишкомъ слабая подпора мнѣнію. На вашихъ «другихъ» я высылаю цѣлую тройку, которая разобьетъ ихъ въ прахъ: сице, яко и тако. *Такъ* назывались, говоритъ Несторъ, эти варяги Русью, *какъ* другіе назывались свеями, другіе готами.... *такъ* и эти. Слѣдовательно, Русь не исключается изъ варяговъ, а напротивъ, положительно помѣщается въ ихъ совокупности; это племена родственныя.

Потому и напрасно вы говорите, что въ «договорахъ Олега и Игоря нѣтъ слова варяги, да и быть не могло, потому что люди, составлявшіе этотъ договоръ, не были варягами» (Waeringiar).

Въ договорѣ значится: мы отъ рода русскаго, потому что Олегъ и Игорь были русскіе. Русскіе, отъ племени варяжскаго, пришли къ намъ. «Отъ Варягъ бо прозвашеся Русью», говоритъ именно Несторъ, что вы на эту пору позабыли. Передъ Русью не ставитъ Несторъ объясненія варяговъ, точно какъ не ставитъ и передъ свеями, которыхъ причисляетъ къ варягамъ.

«Въ чемъ же состоятъ главныя доказательства мнимаго происхожденія Руси отъ норманновъ?» говоритъ г. Костомаровъ (с. 29).

«Говорятъ намъ, что финскіе народы называютъ шведовъ — руотсаляйсетъ».

Нѣтъ, это отнюдь не принимается главнымъ доказательствомъ, и опровергнуто 25 лѣтъ назадъ.

Объ извѣстіи изъ Бертинскихъ лѣтописей г. Костомаровъ выражается вотъ какъ:

«Еще говорятъ, что въ IX вѣкѣ императору Людовику Благочестивому императоръ Византійскій послалъ какихъ-то бродягъ, называвшихъ себя россами, но императоръ Людовикъ, по тщательному изслѣдованію (diligentius investigans) открылъ, что эти люди были шведы и почелъ ихъ по этому шпіонами (exploratores potius regni illius nostrique, quam amititiae petitores); изъ этого явствуетъ, что россы — шведы» (с. 29), и при этомъ ссылается на мои «Изслѣдованія». Но я именно доказывалъ *противное*, и даже въ моей диссертаціи о происхожденіи Руси первымъ тезисомъ было: варяги-русь не шведы. Странно указывать такъ. Еслибъ г. Костомаровъ хотѣлъ указать только мѣсто изъ Бертинскихъ лѣтописей, а не мое мнѣніе, то на мои «Изслѣдованія» не для чего бъ было ссылаться въ этомъ случаѣ, ибо классическое мѣсто Бертинскихъ лѣтописей помѣщается вездѣ — и у Байера, и у Шлецера, и у Карамзина. Я же употребилъ его совершенно не такъ, какъ эти изслѣдователи.

Россы, оказываясь принадлежащими къ роду свеоновъ, никакъ не похожи на Ивана съ Волги, оказавшагося, по тщательномъ изслѣдованіи, изъ Воронежа, и произведшаго достаточное основаніе для гг. ученыхъ написать: «Воронежъ городъ на рѣкѣ Волгѣ». Вотъ вамъ примѣръ возражающій: въ Москвѣ пойманъ гессенецъ или баденецъ. Квартальный усомнился, услышавъ такое странное для него названіе, но канцелярія оберъ-полиціймейстера, diligentius investigans, нашла, что гессенецъ принадлежитъ къ нѣмецкой націи. Такъ именно и случилось въ Ингельгеймѣ: люди, называвшіе себя россами, оказались принадлежащими народу свеоновъ.

«Еще говорятъ, что въ первой половинѣ X вѣка, Ліутпрандъ, кремонскій епископъ, упомянувъ о походѣ Игоря на грековъ съ руссами, говоритъ, что послѣдніе были народъ, который греки по качеству тѣла называютъ руссами, а они (западники) норманнами, отъ мѣстоположенія ихъ отечества» (с. 29). Епископъ объяснилъ, что этихъ людей можно называть нордманнами по мѣстоположенію, потому что они сѣверные люди, но вовсе не думалъ словомъ нордманъ означать принадлежность руссовъ какой нибудь народности» (стр. 30).

Г. Костомаровъ позабылъ другое классическое мѣсто изъ Ліутпранда, въ коемъ исчисляются многія сѣверныя племена, и только одно изъ нихъ, именно руссы, называются норманнами, въ смыслѣ западномъ. Вотъ это мѣсто:

Constantinopolitana urbs.... inter ferocissimas gentes est constituta. Habet quippe ab aquilone Hurgaros, Pizenacos, Chazaros, Russios, quos

alio nomine nos Nortmannos appellamus, atque Bulgaros, nimium sibi vicinos.

Лiутпрандъ, повторю прежнее свое объясненіе, зналъ очень хорошо норманновъ, нападавшихъ на его отечественные берега, узналъ въ Византіи о такомъ же нападеніи на сей послѣдній городъ, видѣлъ и слышалъ объ нихъ отъ ихъ соотечественниковъ въ лейбъ-гвардіи императорской; — это былъ одинъ по языку, образу жизни и проч. народъ съ извѣстнымъ ему по домашнимъ событіямъ. Естественно ли, чтобъ онъ не сдѣлалъ тутъ отношенія и сравненія, столь очевидно ему представлявшагося? Онъ назвалъ ихъ норманнами, и разумѣется въ смыслѣ своихъ соотчичей, которые знали хорошо норманновъ. Далѣе, онъ слышитъ, что сихъ норманновъ называютъ въ Константинополѣ руссами; — отчего? Такой вопросъ долженъ былъ представиться ему, и первое похожее на правду извѣстіе, имъ услышанное, онъ употребляетъ вмѣсто отвѣта: греки называютъ ихъ по тѣлесному свойству руссами, а мы по положенію норманнами. Можетъ быть и самъ онъ, желавшій показать свою ученость,—что въ немъ замѣтно, какъ говоритъ Шлецеръ,— сдѣлалъ такое словопроизводство.

Наконецъ — сильнѣйшее возраженіе:

«Говорятъ еще, что нѣкоторыя собственныя имена звучатъ по-нормански.... Сравнивъ созвучіе этихъ именъ съ скандинавскими, съ тѣмъ сходствомъ, какое представляютъ они съ словами литовскаго языка, само собою откроется, гдѣ натяжка» (с. 30).

Выше мы показали не слабость, а совершенную несостоятельность литовскаго словопроизводства, но относительно норманства собственныхъ именъ, дѣло идетъ не о словопроизводствѣ, а объ распространеніи нашихъ русскихъ именъ живьемъ, цѣлкомъ между норманнами, въ ихъ лѣтописяхъ, сагахъ, на камняхъ: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ (Rörik, Sune, Thorvard), Аскольдъ и Диръ (Hoskuld и Dyri), Игорь, Ингварь, Олегъ, Ольга (Igvar или Inguar, Halge или Helge; Holga или Helga); Karl, Frialaf, Vermund, Rolf, Roald, Vigfast. Этого мало: дѣйствія Рюриковъ, Игорей, Аскольдовъ, Дировъ,— совершенно одинакія съ нашими: вотъ доказательство ихъ тождества, то есть доказательство норманскаго происхожденія варяговъ-руси, а не натянутое, вымученное на дыбѣ звукоподобіе.

Съ арабскими писателями г. Костомаровъ церемонится еще менѣе. «Дѣло въ томъ, — говоритъ онъ: — что собственно у нихъ нѣтъ постоянной *Руси*, а есть буквы Р и С, куда (по вкусу) вставляются и О, и А, и У, а чаще А, и это значитъ рѣку Расъ, или Русъ, и по ней называются тѣмъ же именемъ народы, живущіе по берегу этой рѣки. По мѣстоположенію видно, что эта рѣка Волга

въ ея низовьяхъ. Мордва до сихъ поръ зоветъ Волгу на своемъ языкѣ Равъ или Расъ. Слѣдовательно арабы узнали тутъ не болѣе, какъ мордовское имя Волги» (с. 31).

Русскіе походы на берега Каспійскаго моря, описанные у арабскихъ путешественниковъ почти тѣми же словами, какъ у Нестора, у византійцевъ, съ одинакими подробностями, повершаются двумя строками: «Здѣсь случайное сходство словъ и собственныхъ именъ съ буквами Р и С. Такимъ образомъ можно отыскать Русь повсюду на земномъ шарѣ». (с. 32).

Такимъ образомъ можно, скажемъ и мы, справляться легко со всѣми историческими свидѣтельствами и мнѣніями! Явилась мордва, ни съ того, ни съ сего, разорила булгаръ, приморскіе города каспійскіе, и пропала! Точно какъ на сѣверѣ явилась жмудь и пропала! Одинокія явленія, безъ начала и конца! Такъ не случается въ исторіи!

Г. Костомаровъ обвиняетъ нѣмцевъ, выдумавшихъ якобы норманское происхожденіе Руси.

«Извѣстно, что у насъ нѣмцы, отъ мала до велика, и ученые и неученые, болѣе или менѣе исполнены вѣрованія о превосходствѣ своей породы предъ славянскою, и думаютъ, что живучи среди насъ, ихъ задача — разливать свѣтъ цивилизаціи между нами, варварами; для подтвержденія этой задушевной мысли, ученые нѣмцы выдумали призваніе князей изъ Скандинавіи; этимъ хотятъ указать, что славяне неспособны, безъ вліянія нѣмецкаго элемента, къ устройству государственной и гражданской жизни (с. 28)».

Нѣтъ; можетъ быть нѣмцы дѣйствительно виноваты въ томъ, въ чемъ обвиняетъ ихъ г. Костомаровъ, хотя прежде оказали ей и много услугъ, но лишней вины вскладывать на нихъ несправедливо: Байеръ положилъ первое основаніе мнѣнія, Шлецеръ утвердилъ его, Карамзинъ принялъ, — прочіе распространили, укрѣпили, привели въ порядокъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, имѣя въ виду одну историческую истину.

Посовѣтуемъ отъ души г. Костомарову оставить въ покоѣ норманновъ, литву и мордву, и заняться изложеніемъ событій, совершившихся во времена болѣе близкія и ясныя.

Для успокоенія его критической совѣсти, для содѣйствія уступкѣ, я скажу ему здѣсь нѣсколько словъ еще объ основаніи его мнѣнія: «правый рукавъ Нѣмана называется Русью, страна около него называлась Русью и народъ руссами (с. 9)».

Но къ которому времени принадлежатъ эти названія? Вотъ вѣдь что важнѣе всего — древность имени. А на этотъ существенный вопросъ отвѣта нѣтъ. Всѣ извѣстныя упоминовенія очень молоды.

Поведемъ теперь разсужденіе далѣе: въ 9 столѣтіи Новгородъ назывался уже Русью, Кіевъ назывался Русью, въ Галичѣ имя Руси встрѣчаемъ мы позднѣе, но такъ крѣпко привязаннымъ, что многимъ кажется оно не наноснымъ, а туземнымъ. Это общія названія, но и частныхъ множество: близъ Новгорода находимъ мы Русу, да еще старую, за Кіевомъ рѣку Рось, и множество въ другихъ мѣстахъ. Точно также и устье Нѣмана могло получить это имя отъ той же причины, и вотъ опять является Карамзинъ, къ прискорбію истинныхъ друзей науки забываемый въ настоящемъ повѣтріи. Послушаемъ его: «варяги-русь могли переселиться туда (къ устью Нѣмана) изъ Скандинавіи, Швеціи, самаго Рослагена, согласно съ извѣстіемъ древнѣйшихъ лѣтописцевъ Пруссіи, увѣряющихъ, что ея первобытные жители, ульмиганы или ульмигеры, были въ гражданскомъ состояніи образованы скандинавскими выходцами, которые умѣли читать и писать».

Лишь только дописывалъ я свой отвѣтъ г. Костомарову, какъ получаю нынѣшнюю виленскую памятную книжку, развертываю, и читаю:

«.... Перевороту положили основаніе скандинавскіе витязи въ концѣ X столѣтія. Въ числѣ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ вождя своего Бальмунда, который сохранился въ преданіи подъ именемъ Палемона, они приплыли на ладьяхъ вверхъ по Нѣману къ устью Дубиссы, и на вершинѣ горы, именуемой понынѣ Палемоновой горою, основали крѣпость на литовской землѣ, названную Биссены (с. 4).... «Палемонъ избралъ это мѣсто средоточіемъ своихъ силъ и дѣйствій. Сколько бы древніе литовскіе историки ни старались увѣрять насъ въ мирныхъ намѣреніяхъ этого богатыря, производя его отъ геруловъ, повѣствуя, что онъ только возвратился въ отечество своихъ предковъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ прибылъ не съ другою цѣлію, какъ для завоеваній и утвержденія въ Литвѣ своей верховной власти. Онъ дѣйствительно утвердилъ на литовскомъ престолѣ свою династію, а три сына его имѣли уже въ разныхъ мѣстахъ Литвы обширныя владѣнія и построили укрѣпленныя города для своего мѣстопребыванія, обезпеченія завоеваній и защиты отъ непріятелей (с. 5)».

Вотъ вамъ и опять норманны, въ замѣну высланной сполна жмуди! Норманны также поселились въ устьѣ Нѣмана, какъ и въ устьѣ Невы!

Я разобралъ главныя ваши положенія и доказательства. О прочихъ вы позвольте мнѣ пока умолчать, напримѣръ о вѣроятномъ, по вашему мнѣнію, посольствѣ Гостомысла изъ Новагорода къ литовскимъ колдунамъ и знахарямъ, и о совѣтѣ колдуновъ и знахарей

призвать князей изъ литовской Руси. Боюсь, чтобъ при задуманномъ памятникѣ тысячелѣтію, какой нибудь замысловатый художникъ не помѣстилъ этихъ ворожей съ ихъ живописными костюмами въ какомъ-нибудь горельефѣ: — за что! Точно также позвольте умолчать и объ аналогіи Гедимина съ Рюрикомъ, которой подобныхъ набрать я могъ бы вамъ множество.

Но вотъ что въ вашемъ разсужденіи мнѣ понравилось, и что можетъ быть отложено въ корвану: вы остроумно подобрали свидѣтельства объ изгнаніи варяговъ чудью, литвою и славянами, предъ избраніемъ князей. Можетъ быть дѣйствительно указанныя свидѣтельства относятся къ опредѣленному нашимъ лѣтописателемъ времени.

Мнѣніе ваше о большинствѣ, или даже болѣе, славянъ въ числѣ призывателей — заманчиво. Вы говорите: «Призывавшіе варяговъ-русь народы были всѣ наголо славяне; этимъ отстраняются неразрѣшимые вопросы: какъ могли появляться въ союзѣ разноязычныя племена, тогда какъ впослѣдствіи мы не видимъ отношеній равноправности между ними, напротивъ, одно постоянно играетъ роль господствующаго, а другое находится или въ зависимости, или въ безуспѣшномъ сопротивленіи (с. 23).» Вы думаете, что славяне могли скрываться подъ чужимъ именемъ, какъ напримѣръ, теперь подъ именемъ Сибири скрывается русское населеніе.

Это заманчиво, говорю я, но не вполнѣ позволительно по закону строгой критики. Относительно веси съ Бѣлозерскомъ, мери съ Ростовомъ, принять можно, но чудь слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ славянъ, послѣдовательно отъ IX и даже до XII столѣтія. Вражда и война между ними продолжалась: нѣтъ возможности допустить среди ихъ большинство славянъ въ IX столѣтіи.

Вотъ еще какую мысль возбудила во мнѣ ваша статейка: мнѣнія имѣютъ жизнь. Это какіе-то гномы, которые имѣютъ свой метемпсихозисъ. Они пропадаютъ, скрываются, и опять возникаютъ, помолодѣлые, принаряженные. Такъ и ломоносовское мнѣніе явилось теперь уже въ новомъ костюмѣ, во фракѣ и перчаткахъ, но оно все таки не значитъ ничего въ сравненіи съ мнѣніемъ о норманскомъ происхожденіи Руси. Надѣюсь, что вы знаете послѣднюю мою модификацію, вслѣдствіе новыхъ изслѣдованій о населеніи Даніи и извѣстнаго мѣста Гельмольдова (*): не заселены ли были первона-

(*) Маркоманнами называются обыкновенно люди, отвсюду собранные, которые населяютъ Марку. Въ славянской землѣ много марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша вагирская провинція, имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, *какъ изъ датчанъ, такъ и изъ славянъ.*

чально датскіе острова славянами, точно такъ же, какъ сосѣдній островъ Рюгенъ и все Поморье балтійское, Померанія, — а впослѣдствіи уже переселилось къ нимъ изъ Норвегіи племя скандинавское или готское, которое совершенно покрыло первыхъ поселенцевъ? «Взаимное вліяніе варѣчій и знакомство норманновъ и славянъ между собою облегчаетъ уразумѣніе и сношеній новгородскихъ славянъ съ варягами. Здѣсь могутъ, кажется, примириться всѣ мнѣнія о происхожденіи руси.»

Я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ изслѣдователемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей, которые, пользуясь исключительнымъ положеніемъ, присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки, и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь: вотъ почему я требую отъ васъ во имя этой науки, полной сатисфакціи, то есть торжественнаго отступленія изъ Жмуди, или полнаго отраженія приведенныхъ мною краткихъ доказательствъ, за коими я готовъ выдвинуть и тяжелую артиллерію. Иначе—бросаю вамъ перчатку и вызываю на дуэль, хоть въ пассажѣ. Секундантовъ мнѣ ненужно, развѣ тѣни Байера, Шлецера и Круга, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели духовъ, а вы, для потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей Свистопляски. Сборъ, въ доказательство моего безпристрастія, я готовъ уступить въ пользу неимущей Жмуди.

Безъ шутокъ, пріѣхавъ на недѣлю въ Петербургъ, я предлагаю вамъ публичное разсужденіе, въ университетѣ, географическомъ обществѣ, или академіи, въ присутствіи лицъ, принимающихъ живое участіе въ вопросѣ. Хоть я лѣтъ двадцать уже оставилъ его, но, посвятивъ ему десять лучшихъ лѣтъ въ жизни, помню во всѣхъ подробностяхъ, и готовъ отстаивать его unguibus et rostris.

М. ПОГОДИНЪ.

Февраля 19.
1860.

II.

Это письмо было предварительно сообщено г. Погодинымъ г. Костомарову. Заключеніе письма напечатано было въ «Спб. Вѣдомостяхъ», № 60, и тамъ же г. Костомаровъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Такъ какъ М. П. Погодинъ вызываетъ меня на публичный поединокъ, то я и отвѣчаю ему публично. Это значитъ мы *дописались*

до поля, какъ во время оно дѣды наши, отыскивавшіе себѣ управы по судебникамъ, *досуживались до поля*. Я принимаю вызовъ М. П. Погодина съ полнымъ уваженіемъ, какъ къ наукѣ, такъ и къ почтенному ея ветерану, считаю это предложеніе высокою для себя честію и объявляю М. П. Погодину, что онъ найдетъ меня, съ оружіемъ въ рукахъ, вездѣ и всегда, куда только назначитъ явиться. Но въ такомъ случаѣ, чтобы споръ нашъ, какъ часто бываетъ со спорами, не окончился ничѣмъ, и чтобы каждый изъ насъ не стоялъ упорно въ своемъ мнѣніи, я предлагаю выбрать посредниковъ, не менѣе трехъ особъ, извѣстныхъ ученыхъ, оказавшихъ русской исторіи дѣйствительную пользу, и притомъ такихъ, которые не писали о варяжскомъ вопросѣ и не принимали участія въ спорахъ по поводу его. Предъ ними, въ присутствіи постороннихъ любителей науки, я выскажу свои возраженія на ваши, и пусть они по совѣсти рѣшатъ, на чьей сторонѣ болѣе правды. Я обѣщаюсь покориться ихъ приговору и выступлю изъ Жмуди, если они оправдаютъ васъ. Тѣни Байера, Шлецера и Круга не помогутъ намъ: они уже только тѣни, да еслибъ и имѣли тѣло, то не могли бы сохранить совершеннаго безпристрастія, а настоящая моя готовность отказаться отъ своего мнѣнія, если оно не будетъ имѣть достаточной силы, чтобъ убѣдить нашихъ посредниковъ, можетъ служить М. Погодину ручательствомъ, что я не думаю мнѣніе свое защищать одобреніемъ рыцарей Свистопляски. Съ своей стороны, я предлагаю просить оказать намъ честь принять на себя званіе посредниковъ въ нашемъ спорѣ гг. Калачева, Кавелина и Буслаева. Надѣюсь, что М. П. Погодинъ согласится вмѣстѣ со мною просить этихъ ученыхъ, потому что нельзя сомнѣваться ни въ ихъ добросовѣстности, ни въ ихъ основательномъ знаніи науки, ни въ важности тѣхъ плодовъ, какіе принесла русской исторіи ихъ многолѣтняя и почтенная дѣятельность.»

На это г. Погодинъ тамъ же отвѣчалъ:

«Искренно благодарю моего ученаго друга за его любезное согласіе. Посредники, имъ избираемые, люди слишкомъ ко мнѣ близкіе, по университетской памяти, едва ли возьмутся принять на себя окончательное рѣшеніе. Это дѣло внутренняго, личнаго участія, которое предоставимъ лучше слушателямъ. Главная цѣль наша — возбудить въ молодыхъ дѣятеляхъ участіе къ вопросу о происхожденіи Руси, который такъ для насъ важенъ, особенно въ наше время, когда скоро исполнится тысяча лѣтъ основанному ею государству.»

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого (именно 19 марта) состоялся самый диспутъ, на которомъ сначала сказалъ нѣсколько словъ

г. ректоръ университета, П. А. Плетневъ, указывая собранію на предстоявшій новый способъ рѣшенія ученыхъ вопросовъ посредствомъ бесѣды двухъ ученыхъ, а потомъ г. Погодинъ сказалъ рѣчь къ публикѣ (см. въ приложеніяхъ) и прочелъ свое письмо къ г. Костомарову (помѣщенное выше), съ нѣкоторыми однако исключеніями. По прочтеніи этого письма г. Костомаровъ читалъ свой отвѣтъ г. Погодину.

III.

ОТВѢТЪ НА ВОЗРАЖЕНІЯ Г. ПОГОДИНА, ЧИТАННЫЙ Г. КОСТОМАРОВЫМЪ НА ТОМЪ ЖЕ ПУБЛИЧНОМЪ ДИСПУТѢ.

Мм. гг.

Такъ какъ вызовъ былъ сдѣланъ г. Погодинымъ, то я считаю умѣстнымъ, во все продолженіе настоящаго ученаго поединка, сохранить оборонительный характеръ и буду касаться только такихъ сторонъ вопроса, на которыя напасть будетъ угодно моему противнику. Поэтому я не нахожу нужнымъ излагать подобно ему, моей теоріи: это значило бы повторять до слова мою статью Начало Руси, напечатанную въ первой книжкѣ «Современника». Я прямо буду отражать нанесенные удары.

Сначала вы опровергаете меня, что я основываюсь единственно на географическомъ имени страны и приводите множество примѣровъ безплодныхъ попытокъ отыскать Русь, изъ которой пришли наши князья, руководствуясь единственно созвучіями между нашею Русью и наименованіями различныхъ мѣстностей. Но всѣ эти примѣры не могутъ быть направлены противъ меня, когда я самъ, въ своемъ сочиненіи, говорилъ о безполезности такихъ попытокъ. Что Русь можно отыскать повсюду на земномъ шарѣ по созвучіямъ, это мнѣ извѣстно и было высказано, и объ этомъ между нами не можетъ быть спора.

Слово Русь само по себѣ — будь это на берегу Нѣмана, или гдѣ бы то ни было — для меня, какъ и для васъ, это не доказательство. Вы нападаете на тѣхъ, которые искали отечества князей нашихъ только въ сходствѣ географическаго названія — *Русь*. А я отправляюсь въ литовскую Русь вовсе не потому, что она Русь, а потому, что она на варяжскомъ побережьѣ. Вы ставите мое мнѣніе на одну доску съ мнѣніемъ о происхожденіи Руси съ береговъ Чернаго моря

Это несправедливо: разница между мною и тѣми, которые ее тамъ искали, та, что они поступали вопреки нашей лѣтописи, а я ищу своей Руси, руководствуясь единственнымъ источникомъ, сохранившимъ извѣстіе о призваніи князей и дающимъ намъ поводъ искать этой Руси, гдѣ бы то ни было.

Вы говорите, что признаніе собственныхъ именъ народа, пришедшаго къ намъ съ князьями литовскими, основывается единственно на созвучіи. Смѣю обратить вниманіе всѣхъ на то, что у меня приводятся литовскія слова, которыя цѣликомъ, за отбрасываніемъ несвойственнаго славянскимъ языкамъ S, совершенно выражаютъ имена пословъ Игорева договора и другія имена и слова изъ языка пришедшихъ къ намъ руссовъ. Вы говорите, что я произвожу Игоря отъ литовскаго корня ig; да, я нахожу въ имени Игоря этотъ корень; но кто читаетъ ваше возраженіе, тотъ подумать можетъ, что я только этимъ и руководствуюсь, что нашелъ корень ig въ литовскомъ языкѣ, тогда какъ я нахожу въ литовскомъ языкѣ слово Iggoras; отбросьте as и вы получите Игоря. Вы приводите, что я произвожу Олега или отъ ilgis, или отъ alga и даете моему производству такой смыслъ, будто я только такимъ слабымъ созвучіемъ и руководствуюсь, и слѣдовательно, самъ еще не знаю, отчего его произвести, тогда какъ я вижу литовское происхожденіе Олега въ словахъ, гораздо яснѣе и полнѣе имѣющихъ сходство съ этимъ именемъ, именно въ названіи рѣки Олегъ, въ именахъ: Ольгердъ, Ольгимунтъ. Самыя эти имена писались также съ перемѣною *o* на *a* и это показываетъ, что здѣсь словопроизводство отъ alga, которое тоже можетъ быть olga. У меня не созвучіе, у меня литовскія слова; стоитъ отбросить *эсы* и вы получаете полныя имена русскія. Турдуви=turtuwis — развѣ это созвучіе? Карши = karszis — развѣ это созвучіе? Тилена = tylenas — развѣ это созвучіе? Сфирка = swirtikas — развѣ это только созвучіе? Глѣбъ = glebas — развѣ это только созвучіе? Гуды = gudis, Бернъ = bernas, Стеггистонъ = steggistonas, Улебъ=ulebas. Все это неужели только созвучія? Не полныя ли это слова? Неужели Олафъ или Алафъ къ Олегу ближе, чѣмъ *Олегъ*. Фамилія Рюриковичей существуетъ до сихъ поръ въ Литвѣ: ссылаюсь на свидѣтельство извѣстнаго польскаго ученаго Онацевича. И какъ же вы меня обвиняете въ томъ, что я руководствуюсь только созвучіями, когда у васъ, то есть у норманнистовъ, нѣтъ почти ни одного полнаго слова, а одни созвучія, и притомъ такія натянутыя,—вы берете и исландскія, и англосаксонскія, и шведскія, и норвежскія, и германскія имена и слова. Я развертываю второй томъ вашихъ изслѣдованій и читаю производство вашихъ именъ изъ Скан-

динавіи. Вы не одобряете того, что я дозволилъ себѣ перемѣнить Синеуса на Сенеуса, хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей и читается *Сенеусъ*, и я не перемѣнилъ, а только выбралъ такое чтеніе, которое ближе къ литовскову слову и которое мнѣ кажется правильнымъ. Посмотримъ, какъ же у васъ произведенъ Синеусъ изъ норманскаго языка. «Синеусъ, говорите вы, есть вѣроятно имя, испорченное у скандинавовъ—Сніо». Шлецеръ прибавляетъ еще Синніутеръ, Сигніаутеръ, Синіамъ, Суне. Вотъ гдѣ созвучіе! Я обращаюсь ко всѣмъ, удостоившимъ своимъ посѣщеніемъ наше состязаніе, и прошу ихъ произнести приговоръ, что ближе къ Синеусу — *Сенеусъ* или Сніо, Синніутеръ, Сигніаутеръ, Синіамъ, Суне? Производя Аскольда изъ Скандинавіи, вы находили Оскеля, Аскеля, Аскнеля, но не могли тогда привести ни одного имени, кончающагося на *ольдъ*, тогда какъ въ Литвѣ ихъ множество, какъ напримѣръ, Рингольдъ, Витольдъ и проч.

Неужели Ингварь и Ифарь къ Игорю ближе, чѣмъ Iggoras? Рогволодъ производится отъ Рагвалтра или Рагнвалда? Почему не отъ литовскаго Ригвальта? По еще проще, почему это имя не славянское Рогъ-володъ, какъ и Все-володъ? Вѣдь *Рогъ* тоже славянское слово, какъ и *Все*, и значитъ по-южнорусски и бѣлорусски *уголъ*. Почему *Лютъ* можетъ происходить отъ *Люитра*, когда онъ самъ по себѣ славянское слово? Еще прежде мнѣ было сдѣлано замѣчаніе, что мои сближенія были бы только тогда состоятельны, когда бы имена варяго-русскія сходились не съ словами, а съ собственными именами литовскими. Считаю умѣстнымъ замѣтить, что кромѣ постоянныхъ именъ собственныхъ, употребляемыхъ только у князей, у первобытныхъ лицъ для имени, были прозвища или клички, что нибудь означающія. У насъ въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, еще въ XVII вѣкѣ, кромѣ крещенаго имени, были также прозвища, замѣнявшія собственныя имена. Они давались даже офиціально въ бумагахъ: Злодѣй, Шестакъ, Нехорошко, Смѣлый, Паукъ, и проч. и проч. Мудрено ли, что и въ договорѣ Игоревѣ такія же имена давались посламъ его? Древнія литовскія имена очень разнообразны, посмотрите въ галицковолынской лѣтописи имена князей, пришедшихъ къ Даніилу: какъ многія изъ нихъ не похожи на обычный извѣстный намъ въ позднѣйшее время строй литовскихъ собственныхъ именъ. Не забудьте, что руссовъ я хоть и считаю племенемъ литовскимъ, но безъ сомнѣнія отличнымъ отъ прочихъ соплеменниковъ, что̀ такъ естественно при чрезвычайномъ развѣтвленіи этого племени. Если я привожу въ параллель къ именамъ литовскія слова, то все-таки не утверждаю, чтобъ эти имена произносились точно такъ,

какъ выговариваются приведенныя слова; я ихъ привожу, чтобъ указать присутствіе въ нихъ литовскихъ корней. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ подтвердиться и извѣстными литовскими собственными именами, напр., Олегъ, Ольга, Аллапъ, Явтягъ, Каршн (Каршево мѣстность въ Литвѣ), Веремудъ (Wermut, собст. имя XV в.), Утинъ (Utines, имя), Кары (имена Каріатъ, Кареева, Карейва, озеро Кайры), Рогнѣдь (Ragnit, мѣстность), Туки (мѣст. Туки, прозвище Туки), Гуды (множ. мѣстностей съ этими слогами: Гуделе, Гудишки, Гудлишки, Гудайце, Гудели, Гудуцишки, собственное имя лица Гудулъ Gudulus), Карнъ (назв. мѣстностей: Карновичи, Керновъ, Керновицъ), Войковъ (имя Войко, назв. мѣстностей Войковичи, Войкишки), Бернъ (прозвища Бернатъ, Бернатовичъ, мѣстность: Бернатовъ), Карлъ (мѣстность Карлы), Сфирка (множество мѣстностей подъ названіемъ Свирки, Свирка). Обратите вниманіе на окончанія именъ Гуды, Кары, Слуды: они совпадаютъ съ древними окончаніями названій урочищъ, какъ, напр., Снуды, Сарты, Соллы, Кайры, Смолвы, Дукшты, Брыды, Гурбы, Туки, Будры.

Вы нападаете на мое объясненіе двухъ пороговъ, но я повторяю, что по-литовски Aithwaros значитъ птицу-пеликана, а по-славянски тоже значитъ Неясыть; *Леанти* значитъ по-литовски льющая, а *Верутци* — очевидно вруци, тоже женское причастіе кипящая, бурляющая. Сверхъ того, у Константина Порфпороднаго одинъ порогъ и по-русски и по-славянски называется *Ессупи*. Ваши норманнисты толкуютъ, что это значитъ *не спи*, ибо и Константинъ Порфпородный такъ его объясняетъ, и находятъ созвучіе какъ въ славянской, такъ и въ скандинавской рѣчи. Отъ этого, говорятъ они,—дѣйствительно могло показаться Константину одинаковымъ названіе порога по-русски и по-славянски. Но я вижу болѣе сходства этого Essupi съ литовскимъ nesup, что значитъ также не спи (собств. не качайся сонный, ибо supu, supti качаться въ люлькѣ, колебаться). Другихъ пороговъ я не касаюсь, потому что не хочу подражать вашимъ норманнистамъ, которые употребляютъ натяжки. Константинъ Порфпородный называетъ одинъ порогъ Oulworsi, въ немъ видятъ созвучіе съ holmfors; какъ же вы меня обвиняете въ произволствѣ посредствомъ созвучій, когда у вашего Лерберга такое произвольное и плохое созвучіе. Ничего не можетъ быть произвольнѣе объясненія Геландри. У Константина Порфпороднаго это названіе приведено, какъ славянское, а гг. норманнисты, чтобы оттянуть на дыбы свои доказательства, увѣряютъ, что здѣсь ошибка, и такъ какъ значеніе слова Геландри объяснено словомъ — звенящій, они нашли возможнымъ указать на созвучіе исландскаго слова gaillandi.

Что жь это такое? Да когда Константинъ Порфирородный называетъ его славянскимъ названіемъ, а не русскимъ, то позвольте мнѣ, съ своей стороны, отыскать и въ славянской рѣчи такое же созвучіе въ корнѣ *гулъ*. Не могъ ли Константинъ слышать названіе, происходившее отъ этого слова? Можетъ быть, существовалъ глаголъ этого слова, а окончаніе andri могло быть не разслышанное имъ окончаніе причастія съ носовымъ звукомъ. А если не такъ, то почему ему не быть литовскимъ? Я не выдаю этихъ предположеній за истину, а привожу ихъ только, чтобы показать, какъ легко составить подобныя на основаніи созвучій. Какъ натянуты норманнофильскія толкованія пороговъ, видно изъ того, что въ одномъ случаѣ читаютъ букву *β* за *б*, въ другомъ за *в*; напр. одинъ порогъ читаютъ *Варуфоросъ*, другой — *Струбунъ*. Вы приводите въ примѣръ произвольности толкованія именъ пороговъ, — толкованіе Болтина съ венгерскаго. Что же? эти толкованія равносильны норманскимъ и доказываютъ несостоятельность послѣднихъ. Да и какъ основываться на Константинѣ, у котораго Новгородъ называется Nemogardia, а Смоленскъ — Miliniska. Если съ такою правильностію написаны имъ и русскія названія пороговъ, то лучше ихъ оставить въ покоѣ. Они ничего не даютъ ни для норманскаго, ни для литовскаго, ни для славянскаго происхожденія варяго-руссовъ и думаю, что болѣе даютъ для литовскаго, чѣмъ для норманскаго, потому что тутъ три порога въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они написаны у Константина, по-литовски что нибудь значатъ безъ натяжекъ.

Указывая на знакомство Литвы съ мореходствомъ, я не думаю, какъ вы говорите въ вашемъ возраженіи, оправдывать происхожденіе варяго-руссовъ, а только хочу этимъ отстранить могущее быть замѣчаніе, что народъ, пришедшій къ намъ изъ-за моря, былъ мореходный, а литовцы могли не принадлежать къ мореходнымъ народамъ. Вы совершенно справедливо говорите, что всѣ жители береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей были знакомы съ мореплаваніемъ, и литовцы, и финны, и славяне, и нѣмцы и кольми паче скандинавы; а если такъ, тогда замѣчу, что качество мореходцевъ, видимое у пришедшихъ въ Россію руссовъ, не можетъ необходимо условливать пришествія норманновъ. Такимъ же значеніемъ мореходцевъ могли и литовскіе руссы пользоваться въ исторіи. Я также не ставлю въ число доказательствъ того, что во многихъ нашихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ и хронографахъ князья изображаются приходящими изъ Прусской страны. Это только доказательство существованія въ старину мнѣнія о такомъ происхожденіи, а не самаго происхожденія. Слово «изъ нѣмецъ» встрѣчаемое въ нѣкоторыхъ спи-

скахъ, также не можетъ быть доказательствомъ, что встарину признавали варяго-руссовъ за норманновъ, ибо нѣмецъ вообще значилъ западнаго европейца. Вспомните выраженія: анбурскіе нѣмцы, аглицкіе нѣмцы, свейскіе нѣмцы, шкоцкіе нѣмцы.

Вы говорите, что въ моей теоріи не видно исторической связи съ тѣмъ мѣстомъ, откуда я полагаю родину руссовъ. Но это не такъ несообразно съ правдою, какъ кажется. Я уже въ своей статьѣ объяснилъ это, указывая, что самая страна *Русь* была страною маленькою, такъ что крестоносцы ее могли пройти въ одинъ день и нашъ лѣтописецъ говоритъ, что князья «пояша по себѣ всю Русь». Что жъ тутъ мудренаго, что пришла горсть литовцевъ, шайка удальцовъ, колонія, и расплылась въ массѣ славянофиннскаго народонаселенія и не оставила никакихъ слѣдовъ сношеній съ прежней родиной? И какіе документы, которыхъ вы требуете, могли остаться отъ этого народа, который не умѣлъ писать? Вы видите, что эта толпа вскорѣ переселилась на югъ, въ Кіевъ, и стала жить новою жизнью. Отдаленность отъ прежней родины лишила и скоро изгладила не только связь съ нею, но и воспоминаніе. При этомъ были или не были сношенія съ этою землею въ Новгородѣ или Полоцкѣ, объ этомъ нельзя сказать ни утвердительно, ни отрицательно. Вы помните, что со времени перехода Олега съ своими полчищами въ Кіевъ до Владиміра— болѣе ста лѣтъ, мы не знаемъ почти ничего о нашемъ сѣверѣ, кромѣ неяснаго путешествія Ольги да избранія новгородцами Святославова сына. Извѣстія, сохраненныя намъ объ этихъ временахъ, касаются болѣе юга.

А что въ нашихъ лѣтописяхъ не записали многое, что дѣйствительно случалось, то и я вамъ укажу на то, что въ «Словѣ о Полку Игоря» говорится о битвахъ Изяслава Васильковича съ Литвою, и о смерти его въ бою: притрепанъ литовскими мечи. Объ этомъ нѣтъ въ лѣтописяхъ извѣстія. Изъ этого же Слова видно, что и Всеславъ воевалъ съ Литвою. О томъ же Изяславѣ говорится: «позвони своими острыми мечи о шеломы литовскіе, притрепа славу дѣду своему Всеславу». И о битвахъ Всеслава нѣтъ въ лѣтописяхъ. Извѣстія о дани, которую Литва платила Ярославу, тоже нѣтъ въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ хроникѣ Генриха Латыша есть извѣстія о нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ Полоцкой землѣ, къ Литвѣ, къ Чуди: о нихъ вы тоже ничего не узнаете изъ нашихъ лѣтописей. При большихъ пробѣлахъ, какіе господствуютъ въ нашихъ лѣтописныхъ сказаніяхъ, невозможно произнести рѣшительнаго сужденія о томъ, что было и чего не было.

Вы говорите: «положимъ съ г. Костомаровымъ, что Русь была Жмудь: подъ какимъ же именемъ приходили къ намъ и чрезъ нашу землю норманны?—Отвѣчаю: подъ именемъ «Варинговъ» (варяговъ), въ концѣ X и въ XI в. Я не противорѣчу тому, что съ Владиміра у насъ являются сношенія съ Скандинавіею, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что и въ половинѣ IX в. непремѣнно оттуда пришли наши князья. Въ скандинавскихъ сагахъ мы не находимъ ни имени варинговъ ранѣе XI в. ни пребыванія въ Россіи скандинавскихъ князей ранѣе конца X вѣка. Наша лѣтопись составлена уже въ XII вѣкѣ и, сообщая извѣстія о прежнихъ событіяхъ, лѣтописецъ употреблялъ слова и выраженія, господствовавшія въ его время. И поэтому, подъ которымъ именемъ извѣстны были норманны при Олегѣ, при Игорѣ, при Святославѣ — ни вы, ни я не можемъ это рѣшить. До того времени, мы знаемъ только, что варяги, жители приморскаго побережья, имѣли сношенія съ русскимъ краемъ: одни варяги покорили новгородцевъ, кривичей; ихъ изгнали, другихъ призвали, былъ путь изъ Варягъ (т. е. съ Балтійскаго моря) въ Греки, и наконецъ Игорь послалъ за какими-то варягами за море. Всѣ эти событія передаются намъ изъ конца XI и начала XII в., а въ памятникахъ IX и X в. о варягахъ нѣтъ ничего. Въ договорахъ Олега и Игоря послы всѣ называются отъ рода русскаго, а не отъ варяжскаго и въ этихъ договорахъ нѣтъ имени варяговъ.

Вы хотите опровергнуть мое мнѣніе о томъ, что варяги значили у насъ неопредѣленную массу народовъ, живущихъ около Варяжскаго моря, мѣстомъ изъ космографіи нашего лѣтописца: «Ляхове присѣдятъ къ морю Варяжскому; по тому же морю сѣдятъ Варязи», и заключаете, что пруси (т. е. племя литовское) и чудь (финское) не варяги, а русь варяги. Но въ космографіи не высказано ясно, въ какомъ смыслѣ разумѣется слово «варяги»: вообще ли это жители варяжскаго поморья, или особый народъ по племени; и если послѣднее, то также неясно, родовымъ или видовымъ именемъ считать это слово. Если варяги—вообще тѣ народы, которые живутъ на варяжскомъ поморьѣ, тогда и ляхи и пруси будутъ варяги, и слово *варязи* послѣ ляхове и пруси не можетъ исключать изъ своего родоваго значенія ляховъ и прусовъ, ибо и ляхи и пруси обитаютъ близь варяжскаго моря. Еслибы теперь кто нибудь писалъ космографію прибалтійскаго края, вѣдь могъ бы онъ написать: «шведы и датчане обитаютъ по берегамъ Балтійскаго моря; берега морскіе заселены прибалтійскими жителями вплоть до устья Торнео.» Развѣ въ словѣ «прибалтійскими жителями» вы бы могли узнать о единствѣ этихъ жителей съ датчанами и шведами, или о несходствѣ ихъ?

Если же варяги здѣсь означаетъ народъ извѣстнаго племени, народъ отдѣльный, самобытный, тогда ни шведы, ни готы не варяги, ибо при перечисленіи народовъ афетова колѣна сначала стоятъ варяги, потомъ идутъ свеи, урмяне, готѣ и проч. Если свеи не урмяне, урмяне не готы, то и варяги не свеи, не урмяне, не готы. Если же варяги — родъ, а прочіе слѣдующіе за этимъ именемъ народы — видовыя наименованія, заключающіяся въ понятіи этого рода, тогда не только свеи, урмяне, готы, но и римляне и волхва будутъ варяги: слѣдовательно къ варягамъ будутъ причислены и народы вовсе не скандинавскаго племени, какъ напримѣръ, римляне и волхва. По другому выраженію въ той же космографіи нашего лѣтописца, можно причислять къ варягамъ нескандинавскіе народы другаго края и рода: «Варязи сѣдятъ до предѣла Симова.» Въ той же космографіи предѣлъ Симовъ отодвигается къ устью Волги: такимъ образомъ, судя по этому мѣсту, можно причислять къ варягамъ и всѣхъ народовъ восточной Россіи.

Что касается до слова «Русь», то въ этой космографіи два раза упоминается названіе Руси. Въ афетовѣ части сидятъ Русь, Чудь, и вси языци, Меря, Мурома, Весь, Мордва, заволодская Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтгола, Любь. Здѣсь очевидно лѣтописецъ въ XII вѣкѣ, придѣлавшій къ Амартоловой космографіи приставку о сѣверѣ, разумѣетъ Русь славянскую, нашу Русь, ибо Чудь и вси языцы, перечисленные вслѣдъ за именемъ Руси, изображаютъ массу народовъ живущихъ въ Россіи. Въ другомъ мѣстѣ исчисляется афетово колѣно, и между народами западными помѣщена Русь. Такъ какъ мѣсто ея между готами и аглянами, то я не знаю, какая это Русь, и думаю, что скорѣе всего литовская, но можетъ быть также и наша, попавшая не на свое мѣсто, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ спискахъ нѣтъ этого слова.

Впрочемъ, не произнося никакого заключенія о Руси, помѣщенной въ афетовомъ колѣнѣ, я думаю, что это мѣсто никакъ не можетъ доказывать вамъ, чтобъ Русь эта причислялась къ скандинавамъ, а равно вы не можете изъ всей космографіи заключить, что лѣтописецъ признавалъ ее за варяговъ. Вы говорите: «Пруси не варяги, а Русь варяги; слѣдовательно Русь не Пруси, не Литва, не Жмудь». Я не вижу, чтобъ у нашего лѣтописца были родовыя названія народовъ. Если Русь литовскаго происхожденія, то это не значитъ, чтобъ Прусы и Русь должны быть одно и тоже по понятіямъ лѣтописца, такъ какъ у него не одно и тоже Литва и Зимѣгола, хотя и та и другая одного и того же племени; не одно и то же Любь (Ливь) и Чудь, хотя онѣ одного племени. Исключая славянъ, о которыхъ дѣйстви-

тельно у лѣтописца есть сознаніе племеннаго единства народовъ, составляющихъ вмѣстѣ понятіе о славянахъ, изъ лѣтописца нашего невозможно сдѣлать заключенія, что исчисляемые имъ народы принадлежатъ къ той или другой племенной группѣ, и названія пруси, какъ и чудь, у него вовсе не племенныя, а частныя названія — имена народовъ, а не племенъ. Поэтому, если прусы не русь, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они были разныхъ племенъ: они могли принадлежать и къ одному и тому же племени, и къ разнымъ; лѣтопись не дастъ вамъ права дѣлать объ этомъ никакихъ заключеній. Чѣмъ напримѣръ, можете вы, на основаніи одного только лѣтописца, доказать, что зимѣгола принадлежитъ къ одному племени съ прусами, а любь къ одному племени съ чудью? Также точно изъ космографіи не видно, чтобъ русь были варяги. Но русь дѣйствительно варяги, только въ другомъ мѣстѣ лѣтописи, и только въ одномъ мѣстѣ ей положительно дается имя варяговъ: «поидоша къ варягамъ-руси», но въ этомъ именно мѣстѣ и показывается, что русь — варяги, да не тѣ что другіе, а сами по себѣ.

Вы нападаете на самое главное мое доказательство, на то, что лѣтописецъ нашъ отличаетъ Русь варяговъ отъ нѣсколькихъ скандинавскихъ народовъ. Я говорю о словѣ *другіи*. Вы говорите: «На вашихъ *другихъ* я высылаю тройку: сице, яко и тако. *Такъ* назывались эти варяги Русью, какъ другіе назывались свеями, другіе готами, такъ и эти. Слѣдовательно Русь не исключается изъ варяговъ, а напротивъ, положительно помѣщается въ ихъ совокупности: это племена родственныя». Нѣтъ, я не вижу, чтобъ эти племена должны всѣ непремѣнно быть родственными, хотя и могутъ быть ими. Я изъ этого мѣста вижу, что къ варягамъ причислялись свеи, урмяне, агляне, готѣ; и русь причислялась къ варягамъ, но сама по себѣ составляя отдѣльный народъ; были свеи, урмяне, агляне, готѣ, такъ и русь. А если они родственныя, то найдите мнѣ народъ, который бы назывался Русь и былъ скандинавскаго происхожденія, непремѣнно при Варяжскомъ (Балтійскомъ) морѣ, и жилъ въ странѣ, носящей тоже имя Русь. Является народъ и страна такого имени близь устья Нѣмана; я туда и иду, и тамъ ищу варяго-руссовъ. Очень просто! Но они для меня оказываются литовцами, ибо тамъ обитало литовское племя. Слово варяги не должно меня останавливать, на томъ единственно основаніи, что это слово давалось норманнамъ. Зная, что лѣтопись писана въ XII вѣкѣ, имя же варяговъ въ XII вѣкѣ имѣло гораздо болѣе обширное и не опредѣленное племеннымъ смысломъ значеніе, я признаю руссовъ литовскихъ за нашихъ руссовъ, не останавливаясь тѣмъ, что они названы варягами, тѣмъ болѣе, что въ

литовскомъ языкѣ сохранилось слово Warig и значитъ сильный, удалый.

Возражу вамъ противъ тѣхъ слѣдовъ норманскаго вліянія, какое вы находите, говоря: одни и тѣ же пріемы, языкъ свой они оставили во всѣхъ распоряженіяхъ, одинакихъ съ норманскими, и вы приводите слова, признаваемыя вами норманскими. Но слова, которыя вы считаете норманскими, удобнѣе объясняются другимъ путемъ. По вашему *вира* — скандинавское слово. Но вира встрѣчается въ памятникахъ другихъ славянъ, напр., въ грамотѣ о правахъ купцовъ и поселенцевъ дубровницкихъ и притомъ пеня за убійство и за обиду, означаемая этимъ словомъ, была также и у другихъ народовъ, и невозможно считать ее скандинавскою на томъ лишь основаніи, что она была у скандинавовъ. Г. Срезневскій уже давно объяснилъ очень удачно многія слова, признаваемыя норманскими славянскими и въ томъ числѣ виру, находя ее и въ хорутанскомъ языкѣ.—О словѣ *вервь* едва ли можетъ происходить сомнѣніе, когда существуютъ акты, изъ которыхъ видно существованіе обычая обмѣривать поля веревками, для означенія владѣнія, и когда даже существовалъ глаголъ *вервити*, когда, наконецъ, у другихъ славянскихъ народовъ, это же слово означаетъ собирательную массу жителей, связанныхъ извѣстными условіями. — Слово *тіунъ* скорѣе литовское, ибо въ литовскомъ языкѣ это слово буквально значитъ то же, что̀ значило у насъ: довѣренное лицо отъ владѣльца. Слово *гридь* можетъ быть литовское gritis, а быть можетъ и славянское, какъ полагаетъ Срезневскій. — *Смердъ* тоже слово славянское, по свидѣтельству Срезневскаго оно употребляется въ польскомъ, сербскомъ, чешскомъ съ разными граматическими измѣненіями. Удивляюсь, какъ можно производить *боляринъ* отъ исландскаго байреянъ, какъ дѣлалъ Сабининъ и съ чѣмъ вы соглашались въ вашихъ изслѣдованіяхъ, когда боля́ры были у болгаръ, у сербовъ, когда это слово перешло отъ славянъ къ валахамъ и уграмъ, неимѣвшимъ непосредственнаго соотношенія съ скандинавами? Да еслибъ ихъ тамъ и не было, то я также могъ бы произвести это слово отъ литовскаго bajoras! — И какъ можно искать въ скандинавскомъ корня слова *метникъ*, когда оно очевидно славянское? — Вѣдь гг. норманнисты, представляя сходство словъ нашихъ по созвучіямъ и находя въ русскомъ скандинавскія испорченныя слова, кажется, должны были бы прежде всего найти и опредѣлить законы, по которымъ въ русскомъ языкѣ должны портиться скандинавскія слова. А то до сихъ поръ ни одного слова къ намъ не пришло въ чистомъ видѣ: всѣ испорчены, и каждое на свой манеръ!

Сколько бы вы ни приводили сходствъ нашихъ правовъ, обычаевъ, пріемовъ жизни съ скандинавскими, я соглашусь съ вами только тогда, когда вы мнѣ укажете, что они не существуютъ у другихъ народовъ, и если притомъ они въ Скандинавіи полнѣе, чѣмъ у насъ, и связнѣе съ другими элементами жизни, такъ что заимствованіе будетъ ясно само собою. Приводимыя же вами и вообще норманнистами сходства таковы, что могутъ принадлежать многимъ народамъ. Вѣдь человѣческія начала одни, и развитіе ихъ при всѣхъ видоизмѣненіяхъ и отличіяхъ, идетъ путями, сходными въ главныхъ чертахъ. Да ужь если на то пошло, я вамъ укажу, что сходства у насъ съ литовскими обычаями гораздо болѣе окажется, и гораздо ощутительнѣе. Посмотрите, какое сходство въ повѣрьяхъ, обычаяхъ, обрядахъ, сказкахъ и пѣсняхъ. Тутъ не нужно дѣлать натяжекъ: само собою сходство просится въ глаза. А словъ, сходныхъ съ литовскими, можно привесть очень, очень много. Я никакъ не думаю эти сходства основывать на прибытіи князей съ дружинами: эти сходства лежатъ въ близости славянскаго племени съ литовскимъ. Но и съ нѣмецкимъ племенемъ славянское находится въ сродствѣ. Отчего же встрѣчаемыя сходства вы не хотите признать слѣдствіемъ этого сродства, а вовсе не отдѣльнаго историческаго обстоятельства, которому, еслибъ оно и случилось, невозможно было бы приписать всего того, что̀ можетъ быть слѣдствіемъ древняго племеннаго сродства? Послѣ тѣхъ всѣхъ чертъ, какія наука нашла въ жизни всѣхъ вообще индоевропейскихъ народовъ, нельзя каждую изъ нихъ объяснять заимствованіемъ.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

IV.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Въ дополненіе къ предыдущимъ статьямъ, прилагаемъ и то, что, по прочтеніи ихъ было произнесено гг. Погодинымъ и Костомаровымъ на диспутѣ 19 марта.)

Послѣ краткой вступительной рѣчи г. ректора университета, г. Погодинъ сказалъ:

Мм. Гг!

Первымъ словомъ нашимъ должна быть благодарность обществу, благодарность глубочайшая, искренняя за то вниманіе, которымъ ему

угодно было насъ удостоить. Ученый споръ предпринятъ нами съ цѣлію возбудить въ молодомъ поколѣніи — въ студентахъ, участіе къ важнѣйшему вопросу русской исторіи. Онъ относится ко времени самому отдаленному, къ предмету самому темному и неопредѣленному. Доказательства, которыя мы будемъ употреблять другъ противъ друга, заимствованы изъ источниковъ самыхъ сухихъ, старыхъ лексиконовъ, ветхихъ хроникъ, руническихъ камней и подобныхъ источниковъ, покрытыхъ пылью и тлѣніемъ. Эта пыль и тлѣніе отзовутся неминуемо въ нашей бесѣдѣ. Общество является на вѣрную скуку. Больше ничего мы обѣщать не можемъ или, лучше сказать — не смѣемъ. Являясь съ такимъ рвеніемъ, какъ будто бы для эстетическаго наблюденія надъ произведеніями изящныхъ искусствъ, общество представляетъ самое ясное, разительное и утѣшительное для наблюдателя доказательство, что мы созрѣли для разсужденія, для участія въ вопросахъ всѣхъ родовъ для насъ важныхъ и нужныхъ, теоретическихъ и практическихъ (*рукоплесканья*).

Достойный мой соперникъ, котораго я едва вижу сквозь мглу литовскую или норманскую, изъявилъ желаніе, чтобы я прочелъ сперва письмо свое къ нему съ возраженіями на его мнѣніе, дабы вы, милостивые государи, получили понятіе о вопросахъ, около которыхъ будетъ обращаться наше преніе. Съ своей стороны я считаю нужнымъ прежде всего сообщить краткое обозрѣніе того мнѣнія, котораго я держусь, дабы вы имѣли данныя для сравненія.

Русское государство основано варягами-русью. Кто такіе эти варяги-руссы? Теперь нѣтъ ни одного народа, ни одного племени, которое бы носило это названіе. Ученые въ теченіе 150 лѣтъ разработывали этотъ вопросъ. Болѣе 20 мнѣній о происхожденіи Руси пущено въ обращеніе. Древнѣйшее и наиболѣе распространенное мнѣніе состоитъ въ томъ, что варяги-руссы суть норманны. Приведемъ тому доказательства:

1) Основаніемъ этому мнѣнію служатъ слова Нестора, которыя, какъ основаніе, я передаю въ подлинникѣ: «Въ 862, *идоша за море къ Варягамъ Руси: еще бо ся звахуть тыи Варязи Русь, яко друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмяне, Аньгляне, друзіи Гъте, тако и си. Рѣша Руси Чудь, Словени, Кривичи и Вся: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ, да пойдете княжить и володѣти нами. И избрашася збратья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь и пріидоша: старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣградѣ, а другой Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третій Изборстъ Труворъ. Отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новгородци, ти суть людье Новгородци отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словени*». Въ другомъ мѣстѣ Несторъ говоритъ: «*Ляхове же и Пруси Чудь приседятъ къ морю Варяжскому*». Я собралъ всѣ мѣста, въ которыхъ употребляется имя варяговъ. Ихъ болѣе 60-ти, и ни одно изъ нихъ не противорѣчитъ норманскому происхожденію варяговъ-руси.

2) Второе доказательство представляютъ лѣтописи греческія. При дворѣ константинопольскихъ императоровъ былъ особенный родъ гвардіи,

который назывался варангами. Эти варанги приходили въ Византію съ сѣвера. Въ разныхъ лѣтописяхъ они называются датчанами, англичанами, пришельцами съ острова Туле и проч.; въ скандинавскихъ лѣтописяхъ они называются веринrами, а у насъ варягами. Тождество ихъ несомнѣнно.

3) Лѣтописи западныя. Въ 839 году, пришли къ императору Людовику Благочестивому, сыну Карла Великаго, изъ Константинополя люди, именовавшіе себя россами и просившіе о доставленіи имъ средствъ возвратиться въ отечество: имъ казалась опасною прежняя ихъ дорога чрезъ разныя дикія страны. Люди эти показались императору подозрительными, и онъ велѣлъ ихъ задержать, а по точномъ изслѣдованіи дѣйствительно оказалось, что люди эти принадлежали къ роду свеоновъ. Лунтпрандъ, епископъ Кремонскій говоритъ, что къ Сѣверу отъ Константинополя живутъ венгерцы, печенѣги, хозары, руссы, которыхъ мы называемъ норманнами, булгары и проч.

4) У арабскихъ писателей есть множество извѣстій о морѣ варяжскомъ и о племенахъ, жившихъ по берегамъ его; они описываютъ также походы русскихъ, и ихъ описанія совершенно ясно обличаютъ норманновъ (въ 844 году именно руссы нападали на Севиллу).

5) Доказательствомъ служатъ также самыя дѣйствія варяго-руссовъ. Аскольдъ и Диръ чрезъ четыре года по водвореніи въ Россіи отправляются въ Константинополь; за ними идутъ Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ, Ярославъ.

6) Языкъ варяго-руссовъ, сохранившійся въ собственныхъ именахъ князей и ихъ приближенныхъ, какъ-то: Рюрикъ, Аскольдъ, Диръ, Руальдъ, Свѣнельдъ; въ названіяхъ должностныхъ лицъ, какъ-то: тіунъ, гридинъ, вира, вервъ, губа, скотъ (въ смыслѣ денегъ) и проч.

7) Важнѣйшее доказательство находимъ мы у Константина Багрянороднаго въ его описаніи Днѣпровскихъ пороговъ; каждый порогъ онъ именуетъ по-русски, по-славянски и по-гречески. Славянскія слова понятны, русскія объясняются языками сѣверныхъ народовъ, соотвѣтственно греческому переводу.

Г. Костомаровъ напечаталъ въ одномъ петербургскомъ журналѣ разсужденіе о пришествіи руссовъ изъ Литвы. Выступивъ съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ на историческое поприще въ сочиненіяхъ своихъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ, Стенькѣ Разинѣ и разныхъ журнальныхъ статьяхъ, онъ имѣлъ по моему мнѣнію право на вниманіе къ его словамъ, а я счелъ для себя непозволительнымъ промолчать, и написалъ г. Костомарову письмо.

(*При этомъ г. Погодинъ прочиталъ свое письмо, на которое г. Костомаровъ въ свою очередь читалъ отвѣтъ. Затѣмъ началось словесное преніе, которое здѣсь и представляется*).

Г. Погодинъ. Всѣ ваши доказательства, всѣ ваши замѣчанія, отвѣты очень остроумны, вотъ ихъ отличительное качество; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ свою степень вѣроятности, большую или меньшую; другіе наука должна принять къ свѣдѣнію, иныя къ соображенію, скажу вамъ

о нихъ вообще. Но нѣтъ ни одной аксіомы, подъ которую бы съ умомъ, съ способностями, свѣдѣніями нельзя было подточиться *(рукоплесканье и смѣхъ)*. На каждое положеніе о норманскомъ происхожденіи Руси порознь можно дѣлать возраженія, но всѣ доказательства вмѣстѣ имѣютъ особую силу и крѣпость, на которую вы не обратили вашего вниманія. Я напомню вамъ одну старую притчу изъ азбуки, по которой всѣ мы учились грамотѣ. Одинъ старикъ, умирая, хотѣлъ доказать своимъ дѣтямъ пользу согласія: онъ далъ имъ пучокъ розогъ, который и велѣлъ разломать: несмотря на всѣ усилія, ни одинъ изъ сыновей не могъ этого исполнить; тогда старикъ велѣлъ развязать пучокъ, и всѣ прутья были легохонько переломаны не только старшими сыновьями, но и младшими *(шиканье въ части публики)*. Тоже можемъ сказать и о совокупности, связкѣ доказательствъ въ пользу норманскаго происхожденія руси. Порознь они подвергаются тѣмъ или другимъ возраженіямъ, но вмѣстѣ они неопровержимы.

Г. Костомаровъ. На сравненія ваши позвольте мнѣ отвѣчать сравненіемъ же. Когда вы въ театрѣ смотрите на сцену, то при хорошо устроенныхъ декораціяхъ лѣса, горы, замки вамъ кажутся настоящими, но подойдите поближе и ослабайте, — вы увидите, что они картонные (*рукоплесканія*). Такую же иллюзію производитъ совокупность ученыхъ доказательствъ; но чтобы ихъ узнать, надобно разсмотрѣть ихъ поодиначкѣ и изслѣдовать силу и свойство каждаго въ отдѣльности.

Г. Погодинъ. Пожалуй, подойдемъ поближе, но прежде позвольте вамъ сказать общее возраженіе. Къ какому времени вы относите названіе Руси въ устьѣ Нѣмана? Моя Русь извѣстна еще въ IX столѣтіи. Такъ назывался Новгородъ; подъ этимъ именемъ въ X в. онъ извѣстенъ Константину Багрянородному; тогда же Русью названъ Кіевъ; около этого времени русины являются и около Карпатовъ. Точно также и вашъ Нѣманъ могъ получить это названіе. Слѣдовательно, его названіемъ въ позднее время нельзя доказывать происхожденія руси на Нѣманѣ.

Г. Костомаровъ. Ранѣе XI вѣка дѣйствительно я не знаю существованія руси на Нѣманѣ; но знаю, что тутъ жили литовцы. Съ тѣхъ поръ до нашего времени литовцы упорно держались старины и не стали бы мѣнять географическихъ названій своей страны. Если предположить, что въ IX в. устье Нѣмана не носило названія Руси, то значитъ названіе это возникло позже. Но оно могло возникнуть вслѣдствіе прибытія туда новаго племени, которое тамъ и поселилось. Въ такомъ случаѣ это названіе могло остаться впослѣдствіи или тогда, когда бы народъ, принесшій его съ собою, остался на томъ самомъ мѣстѣ, или же литовцы, занявши съ XI вѣка эти мѣста, заимствовали имя Руси отъ прежнихъ обитателей страны. Но послѣднему противорѣчитъ то, что литовцы обитали въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ и до IX вѣка. Я укажу вамъ на Іорнанда, который говоритъ, что на востокѣ отъ устья Вислы живетъ племя эстовъ, (pacatum hominum genus). Всѣ ученые соглашались, что подъ именемъ эстовъ слѣдуетъ разумѣть ли-

товское племя. Не стану приводить здѣсь доказательствъ древности литовскаго племени; они вамъ извѣстны, и были подтверждены признаніемъ такихъ ученыхъ, какъ Добровскій, Шафарикъ, Шлейхеръ, Цейссъ и другіе, которыхъ авторитетъ вы всегда уважали.

Г. Погодинъ. Я согласенъ съ древностію литовскаго племени въ устьѣ Руси, но я оспариваю древность названія у нихъ Русь. Вы соглашались, что имени Русь до XI столѣтія у насъ нѣтъ: если уступить вамъ существованіе тамъ Руси въ XI и X столѣтіяхъ, то это будетъ уже слишкомъ много для васъ *(рукоплесканье)*, а уступить вамъ еще два вѣка или болѣе — это невозможно. Позвольте мнѣ вамъ представить доказательства отъ противнаго. Представимъ себѣ, что лѣтописей у насъ никакихъ нѣтъ...

Г. Костомаровъ. Такъ откуда же тогда будемъ мы имѣть свѣдѣнія? *(рукоплесканье и смѣхъ)*.

Г. Погодинъ. Вы забываете, что кромѣ лѣтописей есть еще другой источникъ исторіи, это преданія. Положимъ, что не дошло до насъ никакихъ лѣтописей, а одно преданіе, что въ IX в. на Константинополь напалъ народъ на 200 лодкахъ; вскорѣ тотъ же народъ явился на 2,000 лодкахъ. Я васъ спрашиваю, скажите по совѣсти, какому народу можно приписать это нападеніе? Норманны господствовали тогда на всѣхъ моряхъ, нападали на всѣ берега, вплывали во всѣ устья. Точно такъ же являлись они подъ стѣнами Парижа, Севиллы, Лондона и др. Всѣ ихъ нападенія совершенно одинаковы, вездѣ видимъ у нихъ ту же отвагу; вездѣ дѣйствуютъ они очертя голову. Я спрашиваю васъ, какому народу можно приписать нападеніе на Константинополь въ 866 году, кромѣ норманновъ?

Г. Костомаровъ. Для того, чтобъ характеръ народа получилъ новое настроеніе, не всегда нуженъ приливъ чуждой народности. Въ XIV и XV столѣтіи вы не знаете мореходныхъ набѣговъ на Черное море съ сѣвернаго его берега. А въ XVI и XVII вѣкахъ рѣдкій годъ проходилъ, чтобъ запорожцы не тревожили турецкихъ береговъ иногда же и по пяти разъ ходили на море. Но это произошло не оттого, чтобъ въ малороссійскій народъ вошелъ какой нибудь норманскій элементъ; сами норманны сдѣлались морскими разбойниками только временно, и перестали быть ими послѣ принятія христіанства. Обстоятельства измѣняютъ характеры народовъ.

Г. Погодинъ. Въ XVI, XVII вѣкахъ является много мореходныхъ народовъ: венеціанцы, генуезцы, португальцы, испанцы, голландцы, англичане, но въ IX в., никого не было, кромѣ норманновъ.

Г. Костомаровъ. Но развѣ запорожцы, разъѣзжая на своихъ чайкахъ, заимствовались въ мореходствѣ отъ венеціанцевъ или генуэзцевъ? *(рукоплесканія и смѣхъ)*.

Г. Погодинъ. Но и въ XVI в. запорожскіе набѣги на Трапезундъ, Синопъ и другіе города могутъ ли быть сравнены съ нападеніями на первый городъ древняго міра, какъ Константинополь?

Г. Костомаровъ. Могутъ, ибо города, на которые нападали козаки, были многолюдны и укрѣплены. Да запорожцы и на Константинополь нападали, какъ вы знаете сами изъ извѣстнаго Сѣркова письма: братья наши запорожцы гуляючи по Евксипонту, коснулись мужественно коснулись самыхъ стѣнъ Константинопольскихъ и оныя довольно окуривши дымомъ мушкетнымъ, превеликій султану и всѣмъ мѣшканцамъ цареградскимъ сотворили страхъ и смятеніе.

Г. Погодинъ. Не прихвастнули ли запорожцы?

Г. Костомаровъ. Да не прихвастнули ли наши старые лѣтописцы? Вѣдь объ Олегѣ-то нѣтъ у византійцевъ ничего. Важность запорожскихъ морскихъ походовъ подтверждается свидѣтельствомъ многихъ иностранныхъ писателей, современниковъ, и письмами турецкихъ визирей къ польскому правительству, въ которыхъ приносятся жалобы на разоренія, причиняемыя запорожцами.

Г. Погодинъ. Мое свидѣтельство, кажется, поблагонадежнѣе. Фотій, патріархъ константинопольскій, описываетъ нападеніе руси въ чертахъ очень правильныхъ... Позвольте вамъ сказать еще нѣсколько словъ объ авторитетахъ. Авторитеты нынѣ не въ модѣ. Молодая литература уничтожила авторитеты, но не осталась безъ нихъ, сочинивъ свои собственные. Я не знаю, будетъ ли публика въ барышахъ отъ такой мѣны, точно какъ вынимая деньги изъ банковъ, откуда она получаетъ проценты малые, но вѣрные, и отдавая ихъ въ акціонерныя общества, обѣщавшія гораздо больше. Шлецеръ, нашъ учитель, который забывается молодымъ поколѣніемъ, сказалъ: «въ царствѣ истины авторитетовъ нѣтъ; я не хочу знать, кто говоритъ, а что онъ говоритъ». Я съ этимъ совершенно согласенъ. Съ другой стороны однако нельзя не принять, что долговременное занятіе наукою или искусствомъ, какимъ бы то ни было, сообщаетъ ученому родъ чутья, и въ случаяхъ темныхъ, сомнительныхъ, голосъ такого ученаго долженъ быть принятъ въ соображеніе. Всѣ серьёзные изслѣдователи русской исторіи въ теченіе 150 лѣтъ принимали норманское происхожденіе Руси. Когда я въ 1825 году, именно 26 декабря, имѣлъ счастіе представлять Карамзину мое разсужденіе о происхожденіи Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ переводъ Эверса, то онъ меня спросилъ: «зачѣмъ вы переводили Эверса?» — «Чтобы русская публика видѣла всю слабость его доказательствъ», отвѣчалъ я. «Это излишне, возразилъ Карамзинъ. — Если есть какая нибудь истина, то это та, что Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ были норманны; это для меня такъ же ясно, какъ то, что Сципіонъ былъ римлянинъ.»

Г. Костомаровъ. Только нахальное невѣжество глумится надъ авторитетами, точно такъ, какъ ограниченная бездарность имъ раболѣпствуетъ. Раболѣпство предъ ученымъ должно оскорбить его память, если онъ умеръ, или заслужить презрѣніе, если онъ живъ. Великіе ученые писали не для того, чтобъ предъ ними преклоняли колѣна, а для того, чтобы содѣйствовать вѣчному движенію человѣческой мысли (*рукоплесканье*). Я болѣе 20 лѣтъ привыкъ уважать вашу ученую дѣятельность,

но я увѣренъ, что перестанъ бы уважать самого себя и потерялъ бы ваше уваженіе, если бы побоялся вашего авторитета, чтобы высказать собственныя свои убѣжденія (*рукоплесканье*).

Г. Погодинъ. Вы беретесь за слабую струну — за человѣческое и еще болѣе авторское самолюбіе (*рукоплесканье*). Можетъ быть я и работалъ наравнѣ съ прочими братьями по Адаму. Но смѣю думать, что въ дѣлѣ критики я старался всегда сохранять безпристрастіе. Я долго боролся съ самимъ собою относительно норманскаго происхожденія руси; мнѣ трудно было вѣрить, что русь были не славяне, но истина взяла свое, хотя я радуюсь и теперь всякому случаю, поводу, чтобъ стѣснить, ограничить это понятіе... Но—время уходитъ, не надобно употреблять во зло вниманія публики; перейдемъ къ частнымъ возраженіямъ.

Вы защищаете литовское происхожденіе руси цѣльными словами, заимствованными изъ языка того народа, который прибылъ къ намъ съ князьями. На это я вамъ скажу, что во всѣхъ языкахъ есть множество словъ однозвучныхъ, но имѣющихъ различныя значенія: въ русскомъ языкѣ, напримѣръ: мука и мука, пылъ и пыль, горе и гора. Иностранцу очень мудрено рѣшить, какой смыслъ заключается въ томъ или другомъ словѣ, которое ему нужно объяснить. Вы приводите, напр., слово *Игорасъ*; но я подаю вамъ не слово, а имя Игоря; этого мало, я подаю вамъ живаго Игоря, совершенно одинаковаго съ русскими Игорями.

Г. Костомаровъ. Положимъ, я вамъ уступлю Игоря, —уступите мнѣ Олега.

Г. Погодинъ. Долгъ платежемъ красенъ: вашъ Олегъ крѣпче моего Олега (*смѣхъ*).

Г. Костомаровъ. Уступите мнѣ еще Ольгу. Это все равно что Александръ и Александра.

Г. Погодинъ. Вы спрашиваете уже слишкомъ много (*смѣхъ*). Вспомните, какъ Ольга, прибывъ въ Константинополь, на аудіенціи у императора едва склонила предъ нимъ свою голову, когда всѣ падали до земли. Это чистая норманка.

Г. Костомаровъ. Чистая славянка, чистая литвинка и всякая другая! (*смѣхъ*). Я у васъ попрошу еще Ятвяга, Алдана, Утина, Кари, Карши, Рогнѣду, Рюрика.... Вѣдь это все собственныя литовскія имена.

Г. Погодинъ. Нѣтъ, ужь Рюрика–то никакъ не отдамъ (*смѣхъ*). Вы приводите въ доказательство обстоятельство, что до сихъ поръ существуетъ въ Литвѣ фамилія Рюриковичей. Отчего жь бы имъ не происходить отъ норманновъ?

Г. Костомаровъ. Если только вы докажете, что норманны тамъ жили (*смѣхъ и рукоплесканье*).

Г. Погодинъ. Характеръ Рогнѣды чисто норманскій.

Г. Костомаровъ. И въ Литвѣ, и вездѣ найду я такіе же твердые характеры. Вспомните хоть Софью Витовтовну.

Г Погодинъ. Это уже другое время. Теперь объ именахъ. Свойство русскаго народа — переиначивать имена. Генералъ Бистромъ у насъ — *Быстровъ*, крѣпость трехъ іерарховъ — *трахъ-тарарахъ!* Найдите мнѣ Евдокію, Евфимію, Аггриппину. И въ лѣтописи вмѣсто имени Георгій

мы читаемъ Дюрги, Гюрги, Юрій. По вашей методѣ надобно отказаться отъ тождества Авдотьи съ Евдокіею, Аграфены съ Агриппиною.

Г. Костомаровъ. Если бы не было источниковъ, изъ которыхъ бы можно было видѣть, что Авдотья и Евдокія одно и тоже, я бы имѣлъ право усомниться въ тождественности этихъ именъ.

Г. Погодинъ. Я соглашаюсь, что толкованія нѣкоторыхъ пороговъ у Лерберга натянуты, но Геландри и Варуфоросъ для меня ясны: это такіе столбы, на которыхъ крѣпко опирается наше мнѣніе.

Г. Костомаровъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ эти столбы были очень крѣпки (*смѣхъ*). Впрочемъ объ этомъ я уже высказалъ свое мнѣніе: предоставляю публикѣ судить о немъ.

Г. Погодинъ. Вы говорите, что нельзя вѣрить Константину Багрянородному, ибо у него многія слова испорчены. Обратитесь же къ нашему времени: Москва — Moscou, Moskau; всѣ русскія имена изуродываются въ другихъ языкахъ. Paris мы называемъ Парижъ.

Г. Костомаровъ. Вы защищаете Константина, что онъ не хуже другихъ, — согласенъ, но изъ этого я не вижу доказательствъ, чтобъ онъ зналъ сѣверные языки и правильно написалъ чужеземныя названія. И сами норманнисты считаютъ, что названія пороговъ написаны невѣрно, и поправляютъ ихъ.

Г. Погодинъ. Нѣкоторыя названія дѣйствительно испорчены, но другія вѣрны (*смѣхъ*). Почему же послѣ пришествія князей мы не видимъ никакихъ сношеній славянъ съ литвою?

Г. Костомаровъ. Молчаніе нашей лѣтописи не позволяетъ намъ заключать о противномъ. Притомъ же есть нѣкоторыя точныя извѣстія о сношеніяхъ съ Литвою, незаписанныя въ лѣтописяхъ, напр., въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» объ Изяславѣ и Всеславѣ, въ польскихъ лѣтописяхъ о дани, у Генриха Латыша объ отношеніяхъ къ Литвѣ и Чуди Полоцка. Это очень достаточно указываетъ, что на пробѣлахъ въ нашихъ лѣтописяхъ нельзя основывать такихъ рѣшительныхъ заключеній.

Г. Погодинъ. Но все это отношенія враждебныя; они не доказываютъ ничего въ пользу ихъ родства.

Г. Костомаровъ. Что же? Почти всегда колоніи бываютъ враждебны метрополіямъ.

Г. Погодинъ. Что касается до употребленія имени Русь въ космографіи, то неудобно говорить о ней предъ публикою; отложимъ до печати.

Г. Костомаровъ. И если мы не станемъ болѣе утомлять нашихъ читателей безплодною ловлею созвучій, а будемъ держаться строго мысли нашего лѣтописнаго сказанія, то надѣюсь, бросимъ вмѣстѣ якорь въ устьѣ Руси на берегахъ завѣтной Жмуди. (*Рукоплесканье и сильное движеніе въ публикѣ*).

Г. Погодинъ. Худой миръ лучше доброй ссоры. Мы съ вами толковали о вопросѣ географическомъ. Но самое важное здѣсь — *элементъ* норманскій. Говорите же прямо: откуда пришли руссы, какой въ нихъ элементъ? Это самое важное. Вы значитъ признаете въ нихъ вмѣстѣ со мною норманскій элементъ? Этого довольно для меня.

Г. Костомаровъ. Какъ норманскій элементъ? Этого я не говорю. Меня перебили, вы меня не поняли.

Г. Погодинъ. Продолжайте.

Г. Костомаровъ. Я твердо остаюсь въ Жмуди; придвигайте вашу тяжелую артиллерію; ничто не выведетъ меня оттуда, кромѣ новыхъ историческихъ свидѣтельствъ. Вы можете забросать меня грудою примѣровъ и свидѣтельствъ, мнѣ давно извѣстныхъ, а уступить позицію я могу только вслѣдствіе новыхъ и ясныхъ свѣдѣній. Впрочемъ я бы не хотѣлъ расходиться съ вами безъ примиренія, по крайней мѣрѣ безъ перемирія.

Г. Погодинъ. Предложите условія.

Г. Костомаровъ. Вы изволили упомянуть о памятной книжкѣ Виленской губерніи, о скандинавизмѣ Палемона. Хотя авторъ не имѣетъ права на безусловное довѣріе къ себѣ, потому что не бесѣдовалъ съ почтеннымъ прародителемъ литовцевъ, однако это наводитъ меня на мысль, что норманны заходили обыкновенно въ устья большихъ рѣкъ и едва ли возможно, чтобъ устье Нѣмана было изъято изъ ихъ набѣговъ. Въ житіи св. Ансхарія говорится о томъ, что скандинавы брали дани съ литовцевъ; но прежде надобно доказать, что они не только покоряли и брали дань съ этихъ земель, но тамъ селились и оставались. Я допускаю возможность, что въ той литовской колоніи, которая къ намъ пришла, могло быть незначительное число норманновъ.

Г. Погодинъ. Это для меня главное — присутствіе норманскаго элемента. Я сдѣлаю сравненіе: капля вина сообщаетъ вкусъ водѣ въ цѣломъ стаканѣ; эта капля — норманны. Гомеопатъ вы или аллопатъ?

Г. Костомаровъ. Не въ этомъ дѣло. Впрочемъ я вамъ скажу, что въ гомеопатію я вовсе не вѣрю, а въ аллопатію вѣрю плохо (*смѣхъ*).

Г. Погодинъ. Гомеопаты учатъ—и имѣютъ много послѣдователей—что сила не въ количествѣ, а въ качествѣ, и билліонная частица дѣйствуетъ на организмъ сильнѣе треложечныхъ дозъ аллопатіи. Норманны—капля вина, но какого вина, Го-Сотерна, Го-Барзака, Шато-и-кема, мнѣ все равно. Впрочемъ профессоръ Мерзляковъ на лекціяхъ своихъ объ эстетическомъ вкусѣ говаривалъ, что многіе по каплѣ вина могутъ отличить, котораго оно года (*шиканье и большой шумъ въ публикѣ*).

Г. Костомаровъ. Позвольте предложить условія. Примите пришествіе русскихъ князей изъ Литвы, примите, что господствующій элементъ той колоніи, которая къ нимъ пришла подъ именемъ Руси, былъ литовскій, а я допущу возможность нѣкоторой, малой подмѣси норманскаго. Литовская народность дѣлилась на разныя вѣтви; быть можетъ въ эту приморскую и попало нѣсколько норманновъ.

Г. Погодинъ. Если я вамъ и сдѣлаю эту уступку, то прошу мнѣ не вѣрить, потому что внутри у меня теперь же шепчется, твердится совсѣмъ другое; въ сердцѣ моемъ остается убѣжденіе, что въ основаніи русскаго государства преобладаетъ норманскій характеръ, хотя между норманнами могли быть и прочіе жители балтійскихъ береговъ: славяне, чудь, литва.

Г. Костомаровъ. Прошу и мнѣ также не вѣрить, если бъ я сказалъ, что руссы—норманны: мнѣ внутреннее чутье говоритъ напротивъ, что это было литовское племя (*смьхъ*).

Г. Погодинъ. Имѣете ли вы ко мнѣ столько довѣрія, чтобы дозволить мнѣ отъ вашего имени, равно какъ и отъ своего, заключить нашу бесѣду предъ публикою?

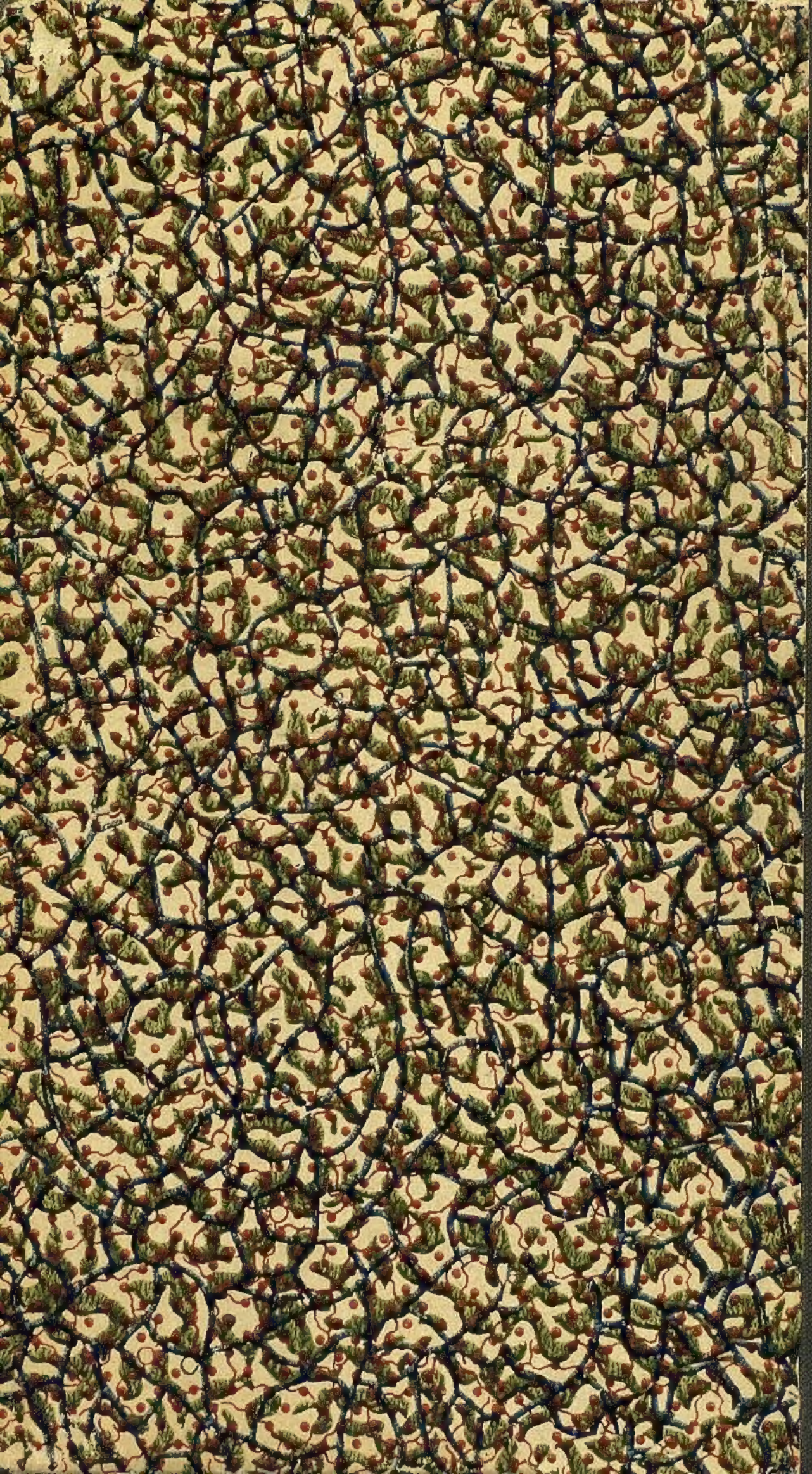
Г. Костомаровъ. Имѣю, исключая тѣхъ ограниченій, которыя я указалъ (*рукоплесканье*).

Г. Погодинъ. Итакъ, да здравствуетъ наша Русь, откуда бы она ни пришла! (*рукоплесканье*). Да живетъ она не 1000 лѣтъ, а долго, долго по выраженію Карамзина, если только нѣтъ на землѣ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой. Да цвѣтетъ наука въ стѣнахъ сего университета, въ стѣнахъ и за стѣнами всѣхъ русскихъ университетовъ; или выражаясь стихомъ Пушкина:

«Да здравствуетъ разумъ»,
«Да скроется тьма».

Г. Костомаровъ. И я приведу слова Пушкина. Что Литва, что Русь ли..., все равно!

Со словъ г. Погодина и Костомарова записано В. Мордвиновымъ.


26 ИЮЛ 1948